

Каплер Алексей

Двое из двадцати миллионов

Алексей Каплер

Двое из двадцати миллионов

Я увидел их в день тридцатилетия Победы - защитников и пленников Аджимушкайских катакомб.

Они сидели на искалеченной Аджимушкайской земле, поминая погибших своих товарищей,

Из многих и многих тысяч остались в живых, чудом уцелели двадцать четыре человека. Каждый год седьмого-восьмого мая они съезжаются в Керчь и несколько дней проводят вместе.

Приезжают и родные погибших в здешних каменоломнях в те страшные сто семьдесят дней и ночей сорок второго.

Ныне один из входов в каменоломни ведет в подземный музей Славы, к братской могиле героев.

Круглый год тянутся сюда люди, приезжают бесчисленные экскурсии со всех концов страны, и плиты братской могилы постоянно завалены горами цветов.

А Девятого мая, каждый год Девятого мая спускаются к подземной братской могиле те двадцать четыре. Они гасят шахтерские лампочки и стоят в темноте, молча поминая погибших.

После поминок, для которых жены живых и вдовы погибших расстелили скатерти прямо на земле и устали их едой, со мной остался один из живых героев Аджимушкая.

Мы нашли место в тени скалы и уселись там.

Перед нами лежала мертвая, вся в глубоких воронках земля, и даже то, что она давно уже поросла травой, и то, что светило майское солнце и небо было совсем безоблачным не только над Аджимушкаем, но и над всей нашей страной,- даже это не могло умерить ощущение трагизма этих мест: будто лето сорок второго пропитало здесь воздух.

Вблизи Керчи с незапамятных времен, быть может, еще с тех пор, когда Керчь была столицей Боспорского царства, люди добывали камень, и оттого под землей образовались на десятки километров катакомбы - лабиринты, тупики, развилки, из которых, не зная их, в жизни не выберешься...

Я слушал низкий, прокуренный голос своего собеседника и смотрел на старую женщину, медленно шедшую по Аджимушкайской земле.

То была очень-очень старая женщина. Она опиралась о кривую, изогнутую палочку и с трудом спускалась в заросшие травой воронки, с трудом поднималась из них.

Старая женщина, видимо, ничего не искала здесь, она просто шла, низко согнувшись,- то ли старость, то ли болезни, то ли горе так безжалостно пригнули ее к земле.

Весной сорок второго, когда наши войска вынуждены были отступить из Крыма за пролив, когда немцы подошли к Керчи в Аджимушкайских каменоломнях скрылись бойцы, прикрывавшие отход Красной Армии. А вместе с ними и великое множество солдат и командиров, оторванных от своих частей, и только что выпущенные из училища молодые летчики, и бегущие от врага мирные жители женщины, дети, старики - все хлынули сюда, в подземелья Аджимушкай. И госпитали с огромным количеством раненых, которых не удалось эвакуировать, были тоже помещены в каменоломнях.

Все эти тысячи, тысячи людей погибли здесь - кто от взрывов и обвалов, кто от голода, от жажды, кто удушенный фашистскими газами.

Старая женщина остановилась у входа в катакомбы, у одной из щелей полузаваленных обломками скал. Она стояла и смотрела на эту щель. Почему женщина пришла сюда? Может быть, ее близкие погибли в этих каменоломнях, а может быть, она просто слышала о трагедии, которая произошла тут когда-то?..

Первые дни в катакомбах был катастрофический хаос, конец света... Но нашлись волевые командиры - полковник Ягунов и старший батальонный комиссар Парахин, - которые сумели сбить военное ядро, создать боевые части, распределить оружие, объединить продовольствие и воду, наладить раздачу скудных пайков.

Вскоре из катакомб начались вылазки - боевые действия: нападения на немцев, которые окружили район. Иногда таким путем удавалось добыть трофейное оружие и боеприпасы, а главное, во время этих вылазок красноармейцы приносили воду из колодца, что находился недалеко от одного из входов в каменоломни.

Люди ждали, жили надеждой, что вот-вот, со дня на день Красная Армия ворвется в Крым и освободит их. Готовились ударить тогда немцам в тыл.

Но они не имели понятия о военной обстановке, не знали, что наступление сможет начаться только через полтора года - в ноябре сорок третьего...

Там, где только что была старая женщина, уже никого не осталось. Растворилась, растаяла...

ЛЕТО СОРОК ВТОРОГО

Гремел немецкий военный марш. Пространство над Аджимушкайскими каменоломнями было ограждено колючей проволокой, а вокруг нее - немецкие танки, пулеметные точки на возвышенностях, автоматчики в секретах, наблюдатели в укрытиях.

Стояла жара. Свободные от дежурства немецкие солдаты в чем мать родила грелись на солнце, курили, играли в карты.

Переваливаясь с боку на бок на неровностях почвы, приближался со стороны моря тупорылый грузовик - немецкий радиоджип с раструбами громкоговорителей на крыше.

Советские воины, стоявшие на посту в расщелине катакомб, наблюдали за этим фургоном. То были истощенные, заросшие бородами люди в истлевших гимнастерках.

Фургон остановился. Из его радиорупоров зазвучал женский голос вкрадчивый голос, вроде тех, что мы с вами слышим теперь в международных аэропортах. У этой сирены был небольшой немецкий акцент, но, в общем, она произносила русские слова вполне сносно.

"Обращение командования германской армии к укрывшимся в подземных каменоломнях советским командирам, красноармейцам и гражданским лицам, читала она, и голос ее разносился над мертвой аджимушкайской землей и слышался в катакомбах. - Германское командование обращается к вам с благородным гуманистическим предложением:

вы должны выйти из подземелья, и сдаться. В ответ на это германское командование гарантирует вам жизнь и свободу..."

Вкрадчивый голос доносился до красноармейцев, стоявших на страже с автоматами у полузаваленных обломками скал входов в каменоломни... Голос доносился до умирающих стариков и до детей-скелетиков, плачущих у пустых материнских грудей, до бойцов, чистящих оружие, готовивших его к бою, до госпиталя, забитого ранеными. Здесь голос немецкой сирены смешивался со стонами и тихими просьбами:... пить... пить... пить...

"... ваше положение известно немецкому командованию. Мы знаем, что вы погибаете от жажды и голода, что каждый день вас становится меньше. Мы перекрыли единственный источник воды - колодец у главного входа в каменоломню. Он стал для вас недоступным - установлено круглосуточное наблюдение за ним, и ни одному солдату больше не удастся достать для вас хотя бы каплю воды..."

И в пещере-отсеке, где расположен штаб подземного гарнизона, слышен был этот голос. Командир отправлял в путь разведчиков и совсем не по уставу обнимал каждого перед уходом.

"... германскому командованию известно о вас буквально все: из остатков каких воинских частей состоит ваш подземный гарнизон, знаем, что вами командуют полковник Ягунов и старший батальонный комиссар Парахин. Мы обращаемся к их благоразумию - не губите бессмысленно людей, прекратите сопротивление, прекратите вылазки и атаки, которые ни к чему, кроме потерь, привести не могут. Не посылайте на связь с Красной Армией своих разведчиков: мы их перехватываем и будем перехватывать

всех до одного, и никто вам на помощь все равно не придет... Немецкое командование дает вам два часа для выхода и сдачи оружия. Через два часа будет возобновлен обстрел и взрывы на поверхности, а затем мы пустим газы, и вы умрете все без исключения. Командование делает вам это последнее предупреждение".

Невдалеке от входа в каменоломню, заваленного обломками скал, стоял колодец. Все пространство вокруг него было изрыто минами. Там лежали десятки убитых воинов, которые пытались подобраться к воде, добыть воду. Там валялись превращенные автоматными очередями в решето ведра и канистры, в которых несли воду эти солдаты. Там лежал упавший на спину белокурый богатырь - юный красноармеец с открытыми глазами, наполненными, как слезами, дождевой водой.

Почему же не пытались люди вырваться из подземелий, не пытались хотя бы пробиться в леса к старокрымским партизанам или к проливу, а там оплавь?.. Какая-то часть, может быть, и прорвалась бы, ну, а другие... другие хоть погибли бы в бою, а не задохнулись в этой каменной могиле... Споры про то были, и большие споры, но Павел Михайлович - полковник Ягунов - сказал только одно слово: "Раненые",- и спорщики замолчали. Тяжелораненых были сотни, а пожалуй, что и более тысячи. Как можно бросить их? "Да мы не имели бы права жить после этого",- сказал комиссар Парахин. И как ни ужасно было положение, но все же крохотная надежда оставалась - доберется кто-нибудь из разведчиков до наших, узнают, выручат...

Подземный госпиталь тускло освещался лучинами и каганцами Язычки пламени вздрагивали всякий раз, как сюда доносились отзвуки взрывов.

Раненые лежали в тесноте на сохранившихся койках, на каменных уступах и в проходах. Медикам приходилось переступать через лежащих. Слышались стоны и мольба: "Пить... пить...". Как фантастическая нелепость звучал здесь вперемешку со взрывами дребезжащий голос:

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось.
В этот час ты призналась,
Что нет любви...

Вращалась на патефоне полустертая, хрипящая пластинка. Рядом, на каменных "нарах", лежал хозяин инструмента с забинтованной, казавшейся гигантской головой и слушал - в сотый, вероятно, раз - свою единственную пластинку.

В это танго вплетались взрывы, стрельба, стоны раненых и безнадежные голоса:

- ... пить... пить...

Отсек в глубине пещеры освещался шипящим и трещащим куском провода.

Раненые - кто мог еще передвигаться - собрались здесь вокруг умирающего комиссара.

Его глаза горячечно блестели на стянутом, обросшем бородой лице. Комиссар то бредил, то приходил в себя.

Солдатик с самодельным костылем держал руку умирающего и уговаривал его..

- Не надо, товарищ комиссар, не надо говорить, доктор сказал слышали - нельзя вам говорить, опять кровь хлынет...

Но комиссар не слышал его и пытался подняться на локте:

- ... шахматы сбросить только... и сначала, сначала играй...

У соседней койки черная от копоти девчонка в истрепанной гимнастерке санинструктор Ковалева - перевязывала окровавленную, разбитую ногу лейтенанта, который метался в бреду. Маша прислушивалась к голосу комиссара.

- ... нет, не получается...- бормотал он,- не переиграешь... нет, нет, нет...

И затих.

Солдат положил его руку на грудь.

В отсек вошел хирург - сам едва живой, он остановился у койки комиссара, постоял вместе со всеми молча над умершим. Потом отошел к раненому лейтенанту.

- Так же все, без сознания,- сказала Ковалева. Раненый лейтенант стонал и метался в беспомощности. Хирург наклонился над его ногой.

- Лейтенант,- сказал он, рассматривая рану,- лейтенант Иванов, ты слышишь меня? Ампутировать придется ногу... Ты слышишь, Сергей?

- Слышу,- неожиданно внятно ответил лейтенант.

- И сам знаешь - наркоза нет. Вытерпишь? Надо жить. Недаром же тебя Маша из-под огня тащила...

- А что, Яша, никак нельзя?..

- Нет, друг, нельзя. И ждать нельзя. Дело твое плохо. Очень плохо.

- Ну что ж, валяй...

- Черт,- сказал хирург.- Попробую все-таки почистить.

Вертелось "Утомленное солнце".

Шла операция.

Лейтенант лежал на операционном столе, и санинструктор Ковалева держала его. А он впился руками в ее плечи, скрипел зубами и смотрел в искаженное болью и сочувствием Машино лицо.

Случается, что взгляд человека встретится с другим взглядом в такое решающее жизнь мгновение и так соединят глаза - их мука и сочувствие,- так спаяют, что превратят вдруг чужих вчера людей в самые на свете близкие существа.

Сквозь адову, непереносимую боль лейтенант хрипел:

- Ну, чего ты... чего ты...- Потом он потерял сознание от боли.

И тогда Маша, все продолжая держать его, заплакала. Слезы оставляли на ее закопченном лице две светлые дорожки.

Закончив операцию, хирург опустил на каменный выступ, вытер лицо и сказал:

- Посмотрим... черт, посмотрим...

Сергей лежал снова на своей койке.

Он открыл глаза, приходя в себя, осматривался, не признавал еще, где он. Взгляд блуждал по подземелью, по рядам коек, по лежащим на земле раненым.

Вот операционный стол, склонившийся уже над кем-то другим хирург...

И дальше, дальше скользил взгляд Сергея, пока не встретился с Машиными глазами - она стояла у его изголовья.

- Яков Осипович только почистил ногу,- сказала Маша.

- Еще, значит, потанцуем с тобой... А ты чего редела?

- Я?.. И не думала.

Сергей усмехнулся: промытые слезами дорожки на Машином лице выдавали ее.

- Дай лапу.

Маша протянула руку, Сергей взял ее, закрыл глаза.

- Очень больно? - спросила Маша. Сергей кивнул, не открывая глаз.

- Пусти, я сейчас...- Маша мягко освободила руку, отошла и вернулась с пузырьком.

- Выпей,- сказала.

- Что это? - взял пузырек, понюхал Сергей.- Спирт? Откуда?

Он вдруг сморщился, скрючился от приступа боли. И боль его тотчас отразилась в огромных на худеньком Машином личике глазах.

- Пей, пей, скорее...

Сергей выпил и снова, закрыв глаза, протянул открытую ладонь. Маша вложила в нее руку, села рядом.

В подземном аду, на краю смерти родилась эта любовь, как если бы тут, в катакомбах, без воздуха и света вдруг вырос и распустился цветок... Они стали для других лучиком надежды - Маша и Сергей. Она выхаживала его, дни и ночи не отходила от него и выходила - Сергей стал поправляться... Да только положение в подземелье становилось все хуже и хуже. Немцы начали

производить на поверхности взрывы, в катакомбах обрушивалась кровля, и под завалами гибли люди. Продовольствие кончилось, наступил голод.

Когда-то вначале забивали спущенных в катакомбы лошадей и питались кониной. Теперь стали откапывать зарытые шкуры, копыта и варили их.

И все же подземный гарнизон держался. Несмотря на все лишения, продолжались боевые вылазки, разведчики уходили на связь с Красной Армией, солдаты чистили оружие, охраняли входы, проводились политзанятия.

Отряды "слухачей" улавливали на слух места, где немцы готовили взрывы на поверхности и удаляли оттуда людей. Однако потери становились все больше и больше, особенно когда не стало воды. Это было самым страшным. Вылазки к колодцу стали невозможны. Фашисты держали подступы к нему день и ночь на прицеле пулемета.

Командование организовало отряды "сосунов" - они высасывали капли жидкости из каменных стен там, где они были хоть немного влажными. За сутки удавалось таким образом набрать полфляги или флягу - для раненых. Но пришлось прекратить и это: вместе с каплями влаги в горло, в легкие попадали мелкие частицы камня. "Сосуны" заболели туберкулезом и умирали. Да и что значила какая-нибудь фляга воды для тысячи людей...

Лежа на койке, Сергей следил взглядом за Машей. Она обходила раненых, пробираясь между лежащими на земле. Здесь были не только взрослые, но и дети.

- Тетечка, водички... Дай глоточек...- просил мальчуган с забинтованной головой, лежавший в углу на земле.

- Пить... пить...- несло с разных сторон. Иные раненые, обессилев, молчали.

В глубине пещеры возник шум борьбы, слышались выкрики:

- Нет! Нет! Нет! Не дам! Не смеете!

- Держи его!

- Попался!

- Пустите! Не дам! Нет, не отдам!.. Не смеете, не имеете права!

Трое раненых держали старика санитаря и вырывали у него из рук металлическую банку - нечто вроде небольшого бидона.

Подошел хирург.

- Что здесь происходит?..

- Прятал... прятал, гад... Заначка у него... Врач сказал:

- Раздать воду раненым. И отошел.

- Пустите меня! - крикнул старик и рванулся вперед.

Банка вылетела из его рук, упала, опрокинулась. Вода растеклась по земле.

Раненые - и те, кто держал старика, и те, кто находился вблизи,- бросились на землю и стали жадно хватать губами разлитую воду.

Но вода тотчас ушла, оставив только влажный след.

Старик стоял неподвижно, глядя на ползающих людей. Затем нагнулся, схватил пустую банку, засмеялся и побежал.

Он несся по полутемным подземным коридорам, расталкивая людей, размахивая банкой и... пел:

Там-там-тарара

Там-там-тарара

У расщелины, ведущей из подземелья наружу, автоматчик крикнул "Стой!" и дал предупредительный выстрел в воздух.

Но старик проскочил мимо него и выбежал на ослепительно залитую солнцем, заросшую травой полянку.

Простучала пулеметная очередь. Старика подбросило на бегу, он упал...

В госпитале все вращалась пластинка с "Утомленным солнцем". Хозяин патефона лежал, откинув забинтованную голову, неподвижно глядя вверх, и, казалось, улыбался.

- ...Пить, сестрица,- хрипел раненый паренек, протягивая к Маше высушенные руки.

- ...Тес... слышите, ребята...- шептал, приподнимаясь и обводя безумным взглядом соседей, матрос в рваной тельняшке,- пьет... льется... прячут от нас, гады проклятые... Товарищ генерал, прикажите дать воду. - Не мучайте, дайте водицы,- слышалось.- Пить... пить... пить... Родненькие, попить дайте... помираю... пить... Иные лежали молча. За них творили глаза... Лихорадочно воспаленные, молящие глаза.

У всех людей здесь в катакомбах, живыми, горячечно живыми оставались глаза. И оттого, что иссохшими скелетами стали люди, глаза их были огромными, неправдоподобно огромными, в поллица, как, на старинных иконах. Безумными они казались у иных, эти распахнутые, последним блеском мерцающие глаза...

- Пить... пить... пить... пить...

- Мамочка, пить...- умолял раненый мальчик.

- Не могу, не могу больше...- упала на колени возле Сергея Маша.- Не могу больше, Сережа.. 1 не могу...

Сергей молчал. Пересохшие, растрескавшиеся губы шевелились. Он был без сознания.

- Пить...- едва слышно. бормотал Сергей,- пить... Маша встала, пошла из госпиталя.

- Ты куда?- вслед ей крикнула другая сестра. Не ответив, Маша ушла. "Утомленное солнце" кончилось, но пластинка продолжала, хрипя и щелкая, вращаться. Остановить патефон было некому

- его хозяин был мертв.

- Стой!- крикнул Маше автоматчик, дежуривший у выхода из подземелья... Другой загородил ей дорогу.

- Что - спятила?.. Но во всем облике Маши была такая решимость, такая внутренняя сила, что автоматчики невольно посторонились. И Маша, держа в руке ведро с привязанной к нему веревкой, наклонилась и шагнула на волю.

Со всех сторон потянулись к выходу люди, стараясь выглянуть, посмотреть сквозь расщелину наружу.

- Почему пустили?- охрипшим голосом сердито говорил дежурным командир, звания его не разобрать было: гимнастерка изодрана в лохмотья.

Дежурные виновато молчали.

Немецкий солдат, лежавший у пулемета, в изумлении смотрел на девушку, которая появилась из расщелины между обломками скал.

Она вышла открыто, не таясь, при ярком дневном свете, под белым слепящим солнцем, залившим истерзанную аджимушкайскую землю. Была это тень человека - девушка в старой гимнастерке, в зеленой некогда юбчонке. На голове пилотка со звездочкой.

Немец приложился к прицельной рамке, и девушка оказалась заключенной в ее смертельную прорезь.

Выйдя, Маша зажмурилась, прислонилась к скале и закашлялась. Она долго кашляла и сплевывала на землю черную слюну.

Борьбу долга и жалости можно было угадать в лице мальчишки - немецкого солдата. Нахмурились брови, лоб покрылся испариной. Сдвинутая на затылок пилотка открывала белобрысый хохолок. Палец лежал на гашетке пулемета, но солдат не стрелял.

Вот отчаянная эта девчонка оторвалась от скалы, поправила пояс на гимнастерке, взглянула на небо и двинулась вперед, к колодцу. Ствол пулемета неотступно следовал за ней. Сквозь прорезь прицела видно было, как Маша приближалась к колодцу, как обходила убитых, как склонилась на миг над одним...

Из расщелины скалы люди напряженно следили за каждым Машиным шагом. Вот опустила она ведро, в колодезь и выбрала веревку. Полное прозрачной воды ведро стало на сруб, и Маша припала к воде. Она пила, пила, пила, пила, останавливалась, чтобы вдохнуть воздух, и снова пила.

Следил за ней немец. Следили глаза из-за скалы,- глаза умирающих от жажды людей... Напившись наконец, Маша еще раз опустила и подняла ведро. Немец видел, как девушка снова поправила пояс на гимнастерке, взяла ведро и неторопливо пошла обратно, к скале. Ствол пулемета следовал за ней шаг за шагом.

Шла Маша. Ждали люди в катакомбах. Казалось, уже вечность идет девушка. Вот подошла она к расщелине. Дрогнул палец немецкого солдата. Дрогнул, но не нажал гашетку.

И куда-то в сторону, где залег за пулеметом немец, в сторону врага, пощадившего ее, улыбнулась девушка. И скрылась...

В каменоломнях, у входа ждали Машу солдаты, командиры, женщины, дети. Все молчали и заворуженно смотрели на ведро, поставленное Машей на землю, ведро, в котором шевелилась серебряная поверхность воды.

ЛЕТО СОРОК ПЯТОГО

Тарахтели, постукивали колеса старого разболтанного вагона. Солдаты спали. Они лежали и сидели на полках, в проходах, на полу.

Было их тут в вагоне раз в десять больше нормы. Свеча, вставленная в фонарь, тускло освещала вагон.

Сергей проснулся оттого, что Маша кричала во сне. Он поднялся с пола, наклонился над нею.

Маша металась, кричала и как бы отталкивала что-то от себя.

- Проснись, Маша,- шептал Сергей,- проснись, людей разбудишь... Тише, тише...

И Маша проснулась. Прижалась к спинке, подбрав, ноги и со страхом, широко открыв глаза, не узнавая, смотрела на Сергея. - Это я... я... Успокойся. Ну успокойся же...

Но Маша все так же сидела, сжавшись в комок.

- Очнись, Машенька. Все хорошо,- шептал Сергей.- Мы живы. Война кончилась... Мы едем домой в Москву. Опомнись... Тебе опять что-то приснилось...

И Маша вдруг бросилась на шею к Сергею и, дрожа, плача, прижалась. к нему.

- Ну, тихо, тихо... Все хорошо, все хорошо. Но Маша плакала все сильнее. '

- Успокойся, забудь, дорогая, забудь. Все прошло, все кончилось, все хорошо, Машенька, забудь...

- Спать не даете, черти...- раздался, сверху, с третьей полки, недовольный голос,- дня им мало...

И уже заулыбалась Маша, и они шепотом что-то говорили друг другу и смеялись и закрывали друг другу рот рукой, чтобы не вызвать своим смехом гнев сердитого верхнего дяди.

Чем ближе подходила Маша к школе, к родному своему дому, тем неувереннее шла, тем чаще взглядывала на Сергея, ища его поддержки.

Ворота были открыты, школьный двор залит солнцем. Крича, сшибая друг друга, ребята гоняли футбольный мяч.

В глубине двора стоял двухэтажный флигелек. Взглянув вверх, на его раскрытые окна, Маша сказала:

- Вон те - крайние два...

Мальчишки перестали гонять мяч и уставились на девушку с медалью "За отвагу" и "Красной Звездой" на гимнастерке и старшего лейтенанта с двумя рядами боевых орденов, который опирался на палку.

- Ребята, кто у вас теперь директор?

- Анна Ванна,- нестройным хором ответили Маше мальчишки.

- Она уже дома.- Похожий на цыганенка паренек заорал, глядя вверх, во все горло:- Анна Ванна! Анна Ванна!

В одном из крайних окон флигелька, на которые указывала раньше Маша, появилась пожилая женщина с полотенцем и тарелкой в руках.

- Заходите, товарищи, прошу вас,- сказала она.- Костик, проводи...

Цыганенок побежал к подъезду, распахнул дверь.

- Спасибо, Костик, я знаю дорогу. Маша прошла в подъезд. Сергей за ней следом. Деревянная лестница вела на второй этаж. Маша поднималась, задерживая руку на перилах, ощупывая их знакомую гладкость. Сергей понимающе смотрел на нее. Во дворе вокруг цыганенка собрались мальчишки.

- Видали, че у нее... "За отвагу"!

- Подумаешь, взяла у кого-нибудь напрокат да нацепила, чтобы пофасонить,- сказал маленький скептик и тут же получил по уху.

- Заткнись, фашист!

- Сам фашист! - заревел скептик.

Вот Маша и Сергей уже на площадке деревянной лестницы. Здесь поворот на второй марш, а в раскрытых дверях уже стояла, поджидая их, Анна Ивановна.

- Пожалуйста, прошу вас...- говорила она и вдруг, вскинув руки, закричала во весь голос: - Машенька! Маша! - и бросилась вниз, навстречу...

Потом все сидели за чайным столом. Заплаканная, все еще вытирающая глаза Анна Ивановна, Маша и Сергей. Маша осматривалась, ища, находя, узнавая знакомые приметы своей прежней жизни.

А Анна Ивановна все говорила, говорила:

- ...все я сохранила после Павла Петровича... и мебель вашу и посуду - вот... Берите эту большую комнату, а я пока в спальне, а потом, конечно, переберусь куда ни куда - дадут мне площадь... Я так счастлива. Маша, и ничего не умею выразить, неужто, неужто, девочка, ты пришла?.. Какой ужас, какой ужас эта война... скольких не стало...

- Анна Ивановна, дорогая, никуда мы не переедем, правда, Сережа? Сергей кивнул.- Нам дали общежитие... И я очень рада, что именно вы здесь, у нас дома... Я хочу... я хочу, чтобы вы рассказали про папу... пожалуйста...

- Видишь ли, детка, когда началась война и ты ушла на фронт, Павел Петрович затосковал ужасно... я даже рассказать тебе не могу, как он, бедный, переживал... Единственный ребенок, слабая девочка где-то там - на войне... Ведь он любил тебя больше жизни, в тебе видел и маму твою покойную, и все, все, весь свет был в тебе... Как он ждал письма, какой-нибудь весточки от тебя, но весточки все не было, не было, и когда наконец пришел этот единственный треугольник от тебя, его уже не стало.

- Я не могла писать, Анна Ивановна. Такие условия были...

- Не стало нашего Павла Петровича... Война его убила, война. Как он переживал каждую сводку про наше отступление... не мог примириться... Просто физически угасал, и все молчал, молчал... Потом первый удар, второй... Без сознания, все с тобой говорил - будто ты рядом... Мы по очереди дежурили возле него... Вот так-то, Машенька, родная... В наробразе хлопчут - хотят имя его присвоить школе... Так-то... Ну, а ты? И как вы думаете жить, какие планы?

- Я на медицинский,- сказала Маша,- если примут. А Сергей - он ведь, Анна Ивановна, из летной школы на фронт ушел...

- А семья ваша, родители?..

- Сережа детдомовец,- сказала Маша. Сергей давно уже к чему-то прислушивался и все посматривал в сторону полуоткрытой двери.

- У вас там, кажется, вода льется...- сказал он Анне Ивановне.

- Это я кран оставила, когда вы пришли,- засуетилась она и пошла на кухню закрывать кран.

Сергей и Маша переглянулись: для них вода, звук текущей воды означал нечто для других недоступное.

Потом они шли все вместе по школьному коридору, мимо закрытых классных дверей.

Маша открыла одну из них, заглянула, подошла к парте - крайней, у окна. Потрогала ее, села...

В учительской Анна Ивановна подвела гостей к висящей на стене, оправленной в рамку фотографии.

- Твой выпуск,- сказала она,- мы его потому здесь поместили,- обернулась она к Сергею,- что они ведь все, всем классом ушли добровольцами на войну. Кто в сандружину, кто в армию, кто в ополчение... все. Вы тут Машу не узнаете, Сергей?

Прищурившись, пробежал Сергей взглядом по лицам и указал на самую красивую девочку в центре группы.

- А вот и нет! - засмеялась Маша.- Это Колокольчик - Валька Колокольчикова. Ты просто подхалим и выбрал самую хорошенькую. А я - вон наверху, лягушка.

- Да, дети...- сказала Анна Ивановна,- дети, дети... Из этого выпуска две трети погибли... Вон - Коля Образцов, Синельников Володя... какой был способный мальчик... Калинин Марат - помнишь, как дразнил тебя... Дети...

Анна Ивановна называла имена, а Маша проводила пальцем по лицам тех, о ком она говорила.

- ... Кудояров Сева... о нем.. "Правда" писала, вызвал огонь на себя - Герой Советского Союза... посмертно... Трое без вести пропали - Юлик Трифонов, Гросман, Татарская Аня... господи, господи, какую страшную цену мы заплатили... Да, вот кто жив и кто в Москве - Шаров, он недавно заходил ко мне - твой рыцарь Митя Шаров.- И, обратившись к Сергею, Анна Ивановна продолжала: - Невозможно представить себе, сколько шуток, сколько остроумия было у нас в школе по этому поводу! Чуть ли не со второго класса объявился у Маши верный рыцарь. Вы себе представить не можете, что этот бедняга перетерпел за школьные годы! Вечные насмешки ребят, Машины розыгрыши, иной раз очень злые... Хочешь, Маша, я тебе его адрес дам?..

Сергей и Маша сидели на скамейке возле памятника Пушкину. Мимо них шли прохожие, у их ног играли дети, с улицы доносились гудки автомобилей и звонки трамваев.

Изредка только кто-нибудь взглянет на худенькую девушку в военной форме и сидящего рядом старшего лейтенанта.

А они смотрели, смотрели на проходивших и молча, понимающе переглядывались, когда какой-нибудь малыш убегал от зазевавшейся матери или влюбленные, никого и ничего не видя вокруг, шли в состоянии прострации.

И тень листвы покачивалась на песке, тени и солнечные блики покачивались на земле перед Сергеем и Машей.

- Подумай,- сказал Сергей,- мы живы... Маша прижалась к его плечу.

- Давай так,- она подняла указательный палец,- пусть у нас будет знак. Если я покажу тебе этот палец - значит, я сказала: "Подумай, Сережа, мы живы". Ладно?

Сергей кивнул головой и тоже поднял указательный палец.

Возле них остановились, закуривая, двое мужчин.

- Фу, какая жара,- сказал один,- что будем делать?

- Приходи, составим пульку, уьем вечерок. Сергей и Маша улыбнулись, посмотрев друг на друга, и потом взглянули вслед жаждущим "убить вечерок". Маша достала из кармана гимнастерки маленькое зеркальце и расческу.

- Подержи.- Она дала зеркальце Сергею и стала причесываться.
- Что ж он не идет, твой рыцарь? Может быть, ему записку не передали?

- Алло! Маша! - послышался возглас.

- Шарик!- закричала она.- Митенька! Маша бросилась навстречу высокому молодому человеку в железнодорожной форме. Они обнялись, расцеловались, и Маша подвела его к Сергею.

- Вот, Сережа, это и есть Митя Шаров. Слушай, как же ты вырос! Вдвое. Да еще в этой форме... Ты же был лейтенант, по-моему... Что же это - теперь машинистом заделался? Или большим начальником?

Митя пожал руку Сергею, сказал степенно:

- Шаров,- и уселся на скамью рядом с Машей.

- Правда, Митя,- теребила она его,- рассказывай, что ты? Как ты? Где ты? И что за форма?

- Так...- неопределенно ответил Митя,- одно задание...

- Ну, узнаю...- захохотала Маша,- вечно у Шарика какие-то тайны. И ведь все врет, все врет. Брось трепаться, Митька, говори, как человек. Может, и правда стал большим начальником?

- Закуривайте,- протянул Митя пачку "Казбека" Сергею.- Нет, Маш, никакого я не начальство. Меня за мой язык в два счета выставили бы. Сама знаешь...

- Да, что верно, то верно. Митька вечно учителей доводил... Я с этим паразитом на одной парте сидела, и он все у меня сдувал. А помнишь, с Тонькой?..

Оба рассмеялись.

- А Марат...

- Погиб Марат,- сказала Маша, и они замолчали. Потом Маша спросила:

- Ну, а что делать собираешься?

- В медицинский мечу.

- Быть не может?! И я туда. Во второй или в первый?

- Я бумаги во второй подал.

- Вот здорово, и я туда!

- Опять вместе. Если не завалимся, конечно. Тебя примут точно фронтовичка... А вы, Сережа?

- "Завыкал",- сказала Маша,- не больные и на "ты" перейти.

- Давай на "ты", правда. А ты куда? Сергей улыбнулся.

- Скорей всего в таксисты подамся. Буду вас возить, "на лапу" брать.

- Он в академию Жуковского поступает, Сережа - летчик,- сказала Маша.- Ну что ж, ребята, заключим тройственный союз...

Заложив руки за спину, Митя сказал:

- Ладно, оставь это. Я хочу, чтобы Сергей знал. Хочу в открытую. Давайте в открытую. Вот что, Сергей. Я люблю Машу. Давно люблю. И мы клялись друг другу быть навсегда вместе. Вот какие дела. Война нас разлучила. Я искал Машу все время. Наверно, сотни запросов писал и не мог найти. И если мы наконец встретились... Сергей, ты должен дать мне возможность поговорить с Машей наедине.

- Моего согласия, кажется, вообще не требуется?- усмехнулась Маша. Вы будете решать вдвоем?

- Я буду дома. Маша,- сказал Сергей и, не прощаясь с Дмитрием, ушел.

По улице Горького пешеходы двигались сплошной массой, как в театральном фойе во время антракта.

Солнце, теплынь, еще праздничная, победная атмосфера - все располагало к медленному, прогулочному шагу - люди шли не спеша. Великое множество военных от рядового до полковника то и дело козыряли друг другу при встрече. Редко-редко попадалось озабоченное лицо или спешащий человек, который переходил на мостовую, чтобы обогнать медлительных прохожих.

И, может быть, никогда еще в обычный будний день не видела улица такого множества улыбок, такого сияния глаз, таких добрых лиц.

Случалось, что Сергей не замечал приветствия встречного военного и не отвечал на него. Не замечал он и любопытных девичьих взглядов и шепчущихся подружек, смеющихся, глядя ему вслед.

- Товарищ старший лейтенант,- остановил его офицер с красной повязкой на рукаве - начальник патруля.- Почему не приветствуете старшего по званию?... Что у вас с рукой?

Сергей недоуменно посмотрел на него, затем перевел взгляд на кулак - с него лилась кровь. Он разжал руку - на порезанной ладони лежали осколки раздавленного зеркала.

- Давайте в аптеку - вон на углу,- сказал офицер,- что же это вы так...

- Нет, Митя,- говорила Шарову Маша. Они сидели на той же скамейке на бульваре, рядом играли ребята, гоняли мяч.- Нет, все это детство... Слишком многое встало между нами тогдашними и теперешними....

- Ты просто все забыла... ты не представляешь себе, как я тебя искал...

- Ничего, Митенька,- Маша гладила его по голове, перебирала волосы, все образуется. И потом, ты как-то игнорируешь самое главное: я люблю Сергея, и нас с ним война связала. Намертво. Навсегда.

Митя схватил ее руки.

- Пойми, я не могу жить без тебя, не могу... И тут большой резиновый мяч с силой ударил Митю в лицо. Он вскочил, бросился к ребятам. Они наутек. Маша смеялась. Старалась сдержаться, но смех разбирал ее все больше и больше. Она хохотала.

Митя, обиженный, стоял рядом. Наконец Маша взяла себя в руки, сказала серьезно:

- Прости, не сердись... И почему ты все-таки в форме железнодорожника? - Маша прыснула снова.

- Да потому, что военная износилась до дыр. А эта осталась от Вани, старшего брата. Был машинистом, то есть гражданским, а его наповал, во время рейса. Разбомбили состав с эвакуированными...

- ...Знаешь, Машенька,- сказал однажды Сергей,- до моей комиссии два дня, а у меня есть давний долг, до войны еще все собирался съездить в свой детдом, повидать нашу нянечку - "Пятихворовна" мы ее звали. Видно, какое-то имя мы так переболтали. Она нас жалела. Веселая такая была, вечно шутит, песенки нам поет. А то поплачет, когда кто обидит... Пятихворовна.. добрая душа. Сто раз собирался и ни разу не съездил. Не знаю, жива ли? Ведь вечность прошла...

- Поедем, Сережа. Поедем прямо сейчас...

- Это недалеко от Москвы. Электричкой.

- Спасибо,- сказала Маша,- но я говорить не умею...

Вместе с краснощекой нянечкой вошла Петровна- сестра-хозяйка толстая-претолстая, сонная женщина в белом халате.

- Здрасьте, - сказала она, - бабушка в инвалидном доме живет, болеет она, а присматривать у нас некому. Вот я вам адрес списала...

Сергей взял бумажку, простился.

- Будем ждать,- провожала их заведующая,- приезжайте побеседовать с ребятами. И вы тоже, пожалуйста...

Они шли тропинкой по краю высокого, крутого обрыва, под которым далеко внизу, красиво изгибаясь, текла речка. А по ту сторону речки открывались широкие дали - степи, перелески и снова степь до самого горизонта.

Ни единой живой души кругом.

- Поцелуй меня, Сережа...- сказала Маша. Сергей обнял ее, поцеловал. И долго, долго, очень долго длился этот поцелуй. У Маши были закрыты глаза. Потом она открыла их, и, постепенно проясняясь, пробуждался от забытья ее взгляд, и, глядя на бескрайние дали за рекой, она сказала Сергею, отстраняясь:

- Тут бы пулеметную точку... обзор какой... Сергей оглянулся, посмотрел - обзор был действительно потрясающий.

- Не надо, Маша, не надо... постарайся забыть. Пойдем, тут поворот должен быть, а за ним наш детдом...

- Как вы говорите - Пятихворовна?

- Да, да. Пятихворовна. Полная такая, круглолицая. Волосы с сединой...- ответил Сергей заведующей детдомом.

- Нет, нет у нас такой. А фамилию вы ее не знаете?

- Это, наверно, про Никишкину спрашивает лейтенант,- вмешалась в разговор пожилая медсестра.

- Старший лейтенант,- поправила ее заведующая.

- Извиняюсь,- сказала медсестра,- но Никишкина давно на пенсии. До войны еще. Ее, верно, как-то так ребята похоже называли.

В дверях кабинета столпились молодые нянечки и с большим интересом, подталкивая друг друга и посмеиваясь, рассматривали Сергея.

- А вы, значит, наш воспитанник? - спросила заведующая.

- Конечно.

- Вот удача-то...- расплылась она,- побеседуйте с нашей ребятней... Это ведь какое для них событие будет...

- В другой раз, сейчас мне нужно отыскать Пятихворовну... Как вы сказали? Никишкина она?..

- Тут внучка ее у нас сестрой-хозяйкой. А ну, Татьяна, живо сбегай, покличь Петровну,- сказала медсестра краснощекой молодой нянечке, и та исчезла.

- А что же вы нас не познакомили с вашей спутницей, товарищ старший лейтенант? - сказала заведующая.

- Это моя жена. Познакомься, Маша.

- Какие у вас награды почетные, Маша, "За отвагу" - подумать только, такая девочка... И "Звезда" еще... Может быть, вы, Маша, тоже выступите у нас?

- Вон она в коляске сидит, Никишкина, - сказал санитар.

Сергей и Маша вышли в садик инвалидного дома. В коляске, широко раскрыв глаза, сидела старуха в ситцевом платье, в больших ботинках. Сергей старался не выдать своего волнения и огорчения при виде ее. Они подошли с Машей. Но слепая старуха продолжала, не моргая, смотреть вдаль.

- Здравствуйте, нянечка Пятихворовна,- сказал Сергей.

Не переводя взгляда, старуха спросила:

- Это кто говорит? Есть тут кто или мне послышалось?- спросила она глухим голосом. Сергей подошел к ней совсем близко.

- Это я, нянечка, Сережа. Иванов Сережа. Старуха протянула руку, прикоснулась к Сергею,

- Не помните меня, Пятихворовна? Я вам тут подарочек маленький...

Сергей положил ей на колени принесенный пакет.

- Спасибо, - старуха прикоснулась к пакету, - а тебя не припомню, если бы увидела, может быть... Да и то наврядли... вырос, небось..

- Нянечка Пятихворовна, это я тот, что у заведующего банку варенья увел... Сережка... Старуха покачала головой.

- ... Ну, тот, что мышонка ему в ящик подсунул... Неужто не помните? Вы меня еще спрятали тогда... А когда я лежал и у меня горячка была, вы плакали и богу за меня молились..

- Нет, деточка, - с сожалением сказала старуха,- много вас у меня было, так много... Одни уходили, другие приходили... Нет, детка, не вспомню... Меня в сорок первом удар схватил. Я похоронку на Васеньку единственного моего - как получила, так и упала и в себя, говорили, месяц не приходила. И глаза стали все хуже, хуже с той поры... и памятью совсем ослабла... Как ты сказал, тебя звать?

- Сережа. Сергей Иванов.

- И еще здесь есть кто-то?

- Маше. Жена моя.

- Вы садитесь, дети, на лавочку. Вот она...- Старуха нащупала скамью рядом с собой. Сергей и Маша сели.

- ... У меня теперь одно дело - думать. Раньше жила - ни про что не думала, а теперь думаю, думаю целыми днями.., И вот думаю: зачем живем? Кого ни спросишь - не знаю, говорит. Поп туман напускает. Лектор тут один приезжал из общества "Знание" - тот и вовсе чушь наговорил: живет, мол, человек, чтобы работать. Я так понимаю - работаем мы, чтобы жить, а он все наоборот вывернул. А ведь должно же быть что-то... Да вот жизнь кончается, а я так и не знаю... И еще, дети, стала я раздумывать, и получается; все, что мне казалось важным, - теперь оказалось мусор, а чего не ценила - самое, самое вышло главное: вот просто смотреть, видеть людей, солнышко, все вокруг видеть - вот же оно главное, вот счастье-то. Да для того, чтобы понять,ослепнуть надо, вот беда... Ну, я вас, дети, заговорила... Да ведь все одна, одна, одна... никому не нужна, а оказывается, надо обязательно быть нужной хоть одному человеку на свете... А то пустота, чернота кругом... И бьешься - зачем живешь, зачем жила...

- Как же "зачем"? Сколько вы людей вырастили, нянечка...- сказал Сергей.- Разве это не смысл жизни? Сотни, наверное, выходили, в жизнь пустили... Разве это пустяк? Вот я вас, Пятихворовна, почему искал? Ведь мать вы мне. Мать. У каждого мать должна быть. У меня - вы... Другой не было.

Старуха достала из кармана платок, вытерла глаза.

- Ну, спасибо, родной, спасибо тебе... Идите, дети, я устала, разговорила, старая дура...

Сергей и Маша пошли к выходу, к воротам. Шли они печальные. Грустной была встреча...

- Иванов Сергей! - выкликнул, открыв дверь в приемную, секретарь приемной комиссии - младший лейтенант в летной форме.

Сергей поспешно пробрался сквозь ожидающих, как и он, своей участи абитуриентов Военно-воздушной академии.

Приемная комиссия состояла из офицеров и военных врачей. В то время, как Сергей входил, один из врачей показывал другому рентгеновский снимок и указывал какое-то место на нем.

- Садитесь, пожалуйста, - сказал Сергею председатель комиссии.

Сергей сел, опасливо косясь на врачей, рассматривающих рентгеновский снимок.

Председатель полистал лежащие перед ним документы.

- Мы ознакомились с вашим личным делом, товарищ старший лейтенант, сказал он, - ознакомились и с заключением медицинской комиссии.... По данным личного дела у вас есть все основания быть допущенным к вступительным экзаменам...

Сергей понял, что сейчас последует "но", что дело его плохо.

Однако председатель пока еще не говорил "но". Он продолжал:

- Вы хорошо воевали, старший лейтенант... После Аджимушка с осени сорок второго вы были в десантной группе войск Западного фронта, так... Затем в бригаде особого назначения на Первом Украинском... так... Награждены орденом Красного Знамени за форсирование Днепра... так... И, наконец, "Отечественная война" второй степени, так... Медали... Шестьдесят вторая армия, демобилизован в Берлине в июне сорок пятого... Кстати, Иванов, почему вы запоздали с подачей документов?

- Разыскивал жену, товарищ полковник, она была на другом фронте.

- Отыскали?

- Отыскал, товарищ полковник. Тоже демобилизовалась. Батальонный санинструктор, товарищ полковник. В Аджимушкайской эпопее участвовала.

Отвечая, Сергей тревожно поглядывал на членов комиссии, которые о чем-то перешептывались.

- Ну так вот,- с сожалением произнес наконец полковник,- к великому огорчению нашему, мы не можем допустить тебя, Сергей, к экзаменам...

Хоть и ожидал этого, Сергей вскочил, побледнев.

- Товарищ полковник...

- Медики простучали и просветили тебя самым внимательным образом... У тебя сидит осколок у сердца - это раз, и сильнейшие последствия дистрофии... видимо, аджимушкайской еще... Не годишься ты, старший лейтенант... сам должен понять...

- Я летчик, - крикнул Сергей, - понимаете, я летчик, я для того только живу!.. Медики вечно перестраховываются...

- Товарищ старший лейтенант... - пытался строго остановить его полковник, постукивая карандашом по графину.

Но Сергея понесло.

- ... осколок? Да я оперируюсь, пожалуйста... Я абсолютно здоровый человек...

- Ладно, пусть выговорится,- махнул рукой полковник.

И Сергей заговорил спокойнее, хотя и на том же градусе возбуждения;

- ... Я в училище... есть же у человека чувство, зачем он родился... вот тут, в руках у меня машина... а вместо неба меня швырнуло в подземелье... камень над головой... Ну, думал, если выживу... Выжил война, не до летной учебы, воевал, куда бросали...

Неожиданно Сергей сник, умолк, опустил голову. Члены комиссии с сочувствием смотрели на него.

- Все понимаем, друг,- сказал полковник,- но права нам такого не дано... Получишь документы в канцелярии. Все. Давайте следующего.

Выйдя из академии, Сергей остановился, не зная, не понимая, куда ему идти. Он стоял подавленный, в нерешительности, его обтекали прохожие.

Из здания академии вышел летчик, капитан, и, увидев Сергея, бросился к нему:

- Серега! Неужто ты?.. И почему такой мрачный? Сергей с удивлением взглянул на него и вдруг, узнав, улыбнулся.

- Андрей...

Друзья обнялись. Потом стали разглядывать друг друга, и только тут Сергей заметил на груди Андрея звездочку Героя над тремя рядами орденов и медалей.

- Елки-палки... ты вон, оказывается...

- А я про тебя во всех летных соединениях справлялся... Что же, в пехоте воевал? Как так?

- А вот так, брат, получилось, такая везуха. И сейчас выставили, к экзаменам не допустили...

- Быть не может!

- Медики проклятые!.. Я и скис.

- С ума сойти! Помнишь, твой первый вылет? Пойдем, брат, все же отметим встречу.

- Пойдем, К Маше бы надо... Она знает, как я этого боялся...

- Маша?

- Да, Маша, жена.

- Вон как... Ну, пойдем, потом заглянем к тебе, познакомишь.

И они "заглянули".

Поддерживая друг друга и героически пытаюсь держаться ровно, друзья ввалились к Маше, которая испуганно отскочила от окна.

- Маша, - сказал Сергей, - все... эти... клистирные трубки, как Чапай говорил...

Он произносил слова с трудом, повалился на стул, опустил голову на руки. Андрей протянул Маше огромную лапищу.

- Мы из одной летной школы с Сережкой... Андрей меня зовут... Мы чуть-чуть отметили, может быть, немного заметно...

- Заметно, заметно... Я тут чуть с ума не сошла от беспокойства. Не допустили Сережу?

- Не допустили, гады... Он лучшим курсантом был в школе... природный летчик...

Опустив голову, Сергей сидел за кухонным столиком - единственной фундаментальной вещью в их комнатенке, освещенной тусклой лампочкой, свисавшей из-под потолка.

- Что делать... - говорил Андрей. - Хорошо бы Сергею поступить в Автодорожный. Я ему говорил, да он сейчас слушать не хочет. А у меня там ректор свояк. Да и без того Сережке все права.'

Сергей вдруг выпрямился и ударил кулаком по столешнице.

- Не буду! Не хочу! - закричал и замотал головой. - Ничего не хочу... ничего не буду... ничего не буду... ничего не буду...

- Переживает... - сказал Андрей.

Маша подошла к Сергею, обняла, погладила по щеке, потом показала палец.

Сергей перестал мотать головой и уставился на палец, с недоумением посмотрел на Машу, снова на палец, ничего не понимая. Затем в глазах его мелькнула искорка воспоминания, и, вспомнив наконец все, жалко улыбнулся и захватил Машин палец своим указательным.

- Ой! Сломаешь!- засмеялась она.

ДЕКАБРЬ СОРОК ШЕСТОГО

Сергей проснулся оттого, что Маша вскрикивала во сне.

Он встал, включил свет. Тусклая лампочка зажглась под потолком, осветив крохотную комнатку, две койки, кухонный столик у окна, книжную полочку и бельевую корзинку, в которой спал ребенок. Маша стонала, хватаясь за горло.

- Проснись, Машенька, проснись, Катю разбудишь.

Маша проснулась и лежала испуганная, широко раскрыв глаза.

- Опять катакомбы?..- сказал Сергей. Наконец Маша проснулась окончательно.

- Просто удивительно, - сказала она, - сколько всего было с тех пор, а снится все то же. Опять душат нас газами...

- Все потому, что ты думаешь об Аджимушкае... Забыть, забыть надо...

- Есть хочешь?- спросила Маша.

- Нет.

- Неправда. Буханку оставь, а там хлеба кусочек в газете. И повидло.

- Только с тобой вместе.

- Ну, давай. И поправь шинель - ребенок простудится.

Сергей подтянул сползающую шинель, которой была укрыта девочка в корзине, и взял с подоконника кусочек хлеба, завернутый в газетную бумагу. стакан с остатками повидла пришлось отирать ножом - он примерз к ледяной корке, покрывшей оконное стекло.

Вся комната была полна книг - они лежали не только на полочке, но и на столе, на подоконнике, на полу: учебники, учебники, ее и его учебники.

- Ой, Сережа, ты сел на Абрикосова!

Сергей, смеясь, вытащил из-под себя учебник.

- Пойдешь в консультацию, Сережа, не забудь бутылочки вымыть кипятком.

Они ели хлеб, смотрели друг на друга и по временам беспричинно улыбались.

Ребенок зашевелился, и Маша, сунув ноги в кирзовые сапоги и закутавшись в платок, подошла к корзинке. Нет, все спокойно. Катя спала, посапывая и шевеля губами.

- Что ей снится? - сказал Сергей. - Может быть, мы с тобой?

- Скорей всего какие-нибудь туманности...

В тот трудный, чудовищно трудный послевоенный сорок шестой, голодный карточный год, в холодную, бесснежную зиму на рынке все же была и картошка, и молоко, и сало в две пальца толщиной - все было, но где взять бешеные деньги? Картошка - сто рублей кило. К маслу и вовсе не подступишься.

Шум рынка, людской говор перекрывались стуком костылей и самодельных деревянных ног, подцепленных к культе. Скрипели на разные голоса, трещали инвалидные площадочки безногих на подшипниках вместо колес.

Слепые, безногие, безрукие - сколько их было на рынке, не сосчитать...

Только что ушла в прошлое великая война, но остались беды, осталось горе, принесенное ею.

Маша проходила по рядам, держа закутанную в одеяло девочку, и приглядывалась к торгующим женщинам, все не решаясь обратиться к какой-нибудь из них.

А женщины пропускали невнимательным взглядом худенькую фигурку в шинельке, в кирзовых сапогах, с ребенком на руках, не видя в ней покупательницу.

Маша приглядывалась к публике, к торговкам, ища такую женщину, кому можно бы довериться: ведь продавать хлеб, полученный по карточкам, преступление. Попробовать, что ли, обменять напрямую буханку на молоко, на кусочек масла? Все-таки не так опасно...

Вот, кажется, подходящая старушка - ласковая улыбка, добрый взгляд...

Маша неуверенно остановилась возле нее.

- Тетенька, вы не возьмете у меня буханочку за деньги или за молоко и масла кусочек?..

Добрая старушка стала еще добрее, улыбнулась.

- Подумать надо... Можно бы взять, конечно, если ты нуждаешься... Мы должны помогать друг другу...

- Мне для ребенка... не хватает того, что из консультации...

- А у самой-то что - нету молока? Нисколько?

- Нет.

- Вот беда, вот беда... Совсем народ пропадает... И что же ты просишь за свою буханку?

- Да мне бы молока бутылку и масла граммов сто, хотя бы... можно так?

- Что же, по-божески просишь... не нахально. Ну, покажи-ка свою буханку. Да осторожно, чтобы не заметил кто, а то знаешь, как с хлебом... сразу заарестуют...

Маша незаметно передала буханку. Старушка взвесила ее в руке и, наклонившись, опустила в стоящий рядом мешок.

Когда она выпрямилась, это была уже совсем другая женщина - злобная, мерзкая баба. Она спросила Машу скрипучим голосом:

- Ну, чего стоишь? Тебе чего тут надо? Маша молчала, ошеломленная.

- Ходят тут...- ворчала старуха,- хлебом спекулируют... Вон миллиейский идет - кликнуть его, что ли... Ну, чего столбом стала? Что, я у тебя брала что-нибудь? Должна я тебе, что ли?.. До чего же нахальный народ пошел,- обратилась она к соседке,- только и смотрят - обмануть, стащить... шваль, голодранцы проклятые...

Маша медленно отвернулась, стала уходить, прижав к себе ребенка.

Вот прошла она шаг, другой, третий... Старуха смотрела ей вслед и вдруг крикнула:

- Эй ты! Постой.

Маша оглянулась.

Старуха протягивала ей бутылку молока.

- Возьми, черт с тобой, не тебе - ребенка ради... ходят тут, понимаешь... Жалобят, людям жилы мотают...

Стучали по базару костыли, заглушая шум, говор людской. Анатомичка.

Хромой сторож вытащил железным крюком из холодильного отделения каталку...

- Получайте. Как огурчик,- сказал он..

Студенты подхватили каталку и повезли ее на свободное место у большого окна.

Почти весь зал был занят группами студентов, каждая из которых работала над "своим" трупом.

Маша осталась в стороне у колонны.

- Ну, что будем делать? - подошел к ней Шаров.

- Не знаю, Митя. Не могу. Чувствую, что просто упаду, потеряю сознание...

- Но ты же на фронте не такое видала...

- Это другое, совсем другое...

- Именно другое - там кровь, страдания, а тут высохший, наформалиненный - уже не человек, не труп даже - материал для работы... Тебе нужно психологически преодолеть это... смешно...

К ним подошел Ваня Пастухов. Широкоскулый, крестьянского вида парень. Белый халат сидел на нем в обтяжку, видно, номера на два меньше, чем надо.

- Мария,- сказал он,- на вот - бери папироску, закуривай, и все будет тики-так. Ни тебе запаха не почувешь, ни тебе ничего. Бери...

Он протянул Маше пачку дешевых папирос, Она с опаской взяла, прикурила от зажженной

Иваном спички, затянулась и закашлялась.

- Ничего, не бойсь, это поначалу попершит, а там привыкнешь.

- Слушай, Пастухов,- откашлявшись наконец сказала Маша,- что там у тебя случилось?

- Бред какой-то,- сказал Шаров,- кто-то у него из-под тюфяка тетрадку вытащил... Что там у тебя, Ваня, было?

- Что?.. Дневник был...

- Ну и что ты там?..

- Мысли писал. Подумаю и запишу.

- Ну, это, брат, смотря какие мысли. Ты там, небось, Гитлера расхваливал... Пастухов засмеялся.

- Ладно, не дрейфь, Иван, мы тебя в обиду не дадим...- хлопнул Шаров Ивана по плечу.

- Ребята, что же вы?..- крикнул кто-то из их группы, и они направились к окну.

Шло заседание комсомольского бюро, обсуждали Ваню Пастухова. Он сидел на табуретке у двери, как бы чужой здесь, в комсомольской организации.

Члены бюро разместились вокруг стола. Рядом с секретарем - Ниной Орловой - сидел декан факультета Проскуряков, он же и представитель партбюро. Декан то снимал и протирал очки в черной оправе, то снова надевал их. С глазами декана при этом происходило странное превращение: когда они помещались за толстыми стеклами - то были глаза серьезного, внимательного и, видимо, неглупого человека. Когда же декан снимал очки - вдруг обнаруживалось совсем другое: блудливые глаза, нечистый бегающий взгляд.

Но очки снова надеты, и снова перед нами серьезный, значительный человек.

Нина Орлова, абсолютно убежденная в правильности каждого своего слова, не сомневающаяся ни в чем, говорила:

- ... Михаил Степанович ясно раскрыл сущность Пастухова. Обсуждать, по-моему, нет никакой надобности. Таким, как Пастухов, не место в комсомоле и не место в институте. Ставлю на голосование...

- Подожди,- сказала Маша,- все-таки конкретно - что там у Ивана в тетрадке?

Орлова открыла тетрадку, стала листать. Декан надел очки и сказал:

- Там явно выраженная субъективно-идеалистическая философия, солипсизм, если хотите...

- У Ваньки - философия? - насмешливо спросила Маша.

- Да, представьте себе. А насчет солипсизма - прочти-ка, Орлова, я отчеркнул это место.

- "Ходил вчера в Петровский парк,- прочитала Нина,- и подумал: если я закрою глаза - сразу нет ни этих деревьев, ни скамеек, ни людей. Открою глаза - снова они тут. Выходит, есть они только тогда, когда я их вижу"...

- Ну, вот, куда дальше - солипсизм чистой воды! И там у него еще и не такое найдете. Он, оказывается, даже Ницше в публичке читал. Ничего не понял, но читал. Кроме того, у него тут всякие подозрительные афоризмы зачем-то выписаны...- сказала Нина,- например: "Конец борьбе, когда противник повержен. Овидий". "Добродетель, которая требует, чтобы ее постоянно охраняли, едва ли стоит часового". И так далее, и так далее, и так далее. Затем у него тут вообще понаписано совершенно несовместимое со званием комсомольца. Уже не политика, а этика. Тоже штука обязательная для члена организации.

- Прочти.

- Не буду я это похабство читать. Про свои сны он пишет. Какое ему неприличие снится - читать противно. И еще подводит базис: мол, я, наверно, стал мужчиной - потому у меня такие сны... Гадость какая!.. Это, конечно, не главное. Но тоже характеризует Пастухова как комсомольца.

- Это мелочи, напрасно, Орлова, ты на этом фиксируешь внимание бюро, сказал декан,- речь идет о том, что у Пастухова обнаружены явно идеалистические взгляды, несовместимые с пребыванием в комсомоле. Об этом разговор.

- Ставлю на голосование...

- Подожди,- сказала Маша,- у меня вопрос.

- Давай.

- Кто украл у Ивана тетрадку?

- Это не имеет никакого отношения к делу.

- Имеет, и самое прямое. Раньше, чем решать судьбу Пастухова, мы должны выгнать из организации вора и доносчика.

Поднялся шум. Маша встала.

- Я требую. Ты не имеешь права скрывать. Никто таких прав тебе не давал.

- Ну, хорошо. Пусть только Пастухов выйдет.

- Зачем же ему выходить? Оставайся, Иван. Его это больше всех касается!

- Я взял тетрадь,- встал с места красивый паренек.

- Ты?..- привстал потрясенный Пастухов.- Ты?.. Быть не может...

- Хорош дружок,- сказала Маша. Пастухов продолжал с недоумением смотреть на своего друга.

- Да, я, Савельев, это сделал. Это мой долг. И твой, между прочим, тоже...

- Вот что, ребята,- вмешался декан,- так у вас бюро кувырком пойдет. Решайте вопрос, который стоит в повестке дня,- о Пастухове. А потом можете заниматься чем угодно.

- Хорошо,- сказала Маша,- только я хочу вслух сказать этому Савельеву, что я о нем думаю: подонок ты, Савельев, дерьмо ты, Савельев. И я буду категорически требовать, чтобы очистили комсомол от вора и доносчика. А теперь голосуйте Пастухова. А может быть, вы ему тоже дадите слово?

- Будешь говорить, Пастухов? - спросила Орлова. Пастухов встал.

- Ты с какого года, между прочим? - Орлова заглянула в бумаги.- двадцать восьмого?

- Ага, с двадцать восьмого.

- Не из кулаков?

- Точно. Угадала. Из этих. Идиотка ты, я вижу...

- Но, но... язык придержи.

- Почитала бы хоть личное дело... Батю кулаки убили и мать сожгли.. мне три года было. Родных ни души. Сдох бы, если б не общество, не чужие люди.

- Ладно, ты нас не жалоби. Речь идет о твоих идеалистических взглядах.

- Слушай, Нинка, что ты из себя тут строишь?..

- Я тебе, Пастухов, не Нинка.

- Я в эту тетрадочку все пишу, что думаю. И вопросы и мысли пишу. Мне скрывать нечего. А вот в чем признаю вину - не наловчился отличать змею от человека. Это я про тебя, Савельев.

- Ладно, вопрос ясен,- сказала Орлова,- садись, Пастухов. Переходим к голосованию. Кто за то, чтобы исключить из рядов комсомола за идеологические искривления и субъективное мировоззрение Пастухова Ивана, прошу поднять руки.

Маша демонстративно подложила руки под себя и села на них. Поднял руку декан, подняла Нина, затем еще два члена бюро. Митя Шаров сидел прямо против Маши, опустив голову, и не поднимал руки.

Декан посмотрел на него.

- А ты, Шаров, что - против? Или тебе особое приглашение требуется?

И все еще не поднимая головы, не глядя на Машу, Шаров поднял руку.

- Кто против?

Поднялись две руки - Машина и еще парнишки, молча сидевшего в конце стола.

- Кто воздержался? Итак, за исключение Пастухова пять, против - два. Воздержавшихся нет, заседание бюро объявляю закрытым.

- Бумажные души,- сказала Маша.

- Много себе позволяешь,- ответила Орлова.

- Да...- Маша собирала со стола свои вещички:

авторучку, блокнот.- Насчет совести у вас тут, братцы...

- Поучи, поучи нас...

- Нет, я просто говорю, что думаю. В жизни ведь, знаешь, как, сделал подлость - и все. Это тебе... ну, не шахматы - сбросил фигурки и давай по новой... по-другому сыграю...

- Тут, Ковалева, подлостей никто не делал,- сказал декан,- и ты не очень...

- Это кто как считает,- отрезала Маша,- что подлость, а что достижение. И вышла в коридор. Ее догнал Шаров.

- Знаешь, Маша, декан меня вызывал... Не останавливаясь, Маша сказала:

- В разведку с тобой не пошла бы, Шаров. Прощай, герой.- И ушла.

Подняв воротник своей железнодорожной шинели, поеживаясь от холода, Шаров топтался против общежития, поглядывал на освещенные окна второго этажа и не решался зайти. Даже сквозь закрытые рамы доносился на улицу веселый шум свадьбы.

Она справлялась все в той же комнатке общежития. По этому случаю мебель была вынесена, а вместо нее из столов и гладильных досок составлен один общий праздничный стол. Катю вместе с бельевой корзиной на этот вечер взяла к себе комендантша.

Во всю мощь хрипел патефон. Объединенными усилиями хозяев и гостей стол уставлялся тарелками с капустой, свеклой, турнепсом, который в те времена перешел из кормушек животных на столы москвичей. Народу набилось видимо-невидимо. Кому не хватило места за столом, уселись на подоконнике, на фанерных ящиках, на сложенных стопками книгах.

- Одни, правда, гарниры, но зато от пуза! - кричал летчик Андрей, разливал по кружкам и стаканам разбавленный спирт.

- А где же Маша? Что за свадьба без невесты?

- Одевается у комендантши.

- Э, нет, нет,- говорил Сергей, пересаживая гостей,- так не пойдет. Что ж это получится - мединститут с одной стороны, а наши ребята отдельно. А ну, давайте, давайте, пересаживайтесь.

Шло веселое переселение однокурсников Сергея студентов-автомобилистов - к студентам-медикам, а более всего - к медичкам.

- Интеграция, интеграция!- кричал кто-то.- Девушки, сюда!

Кончилась очередная пластинка, и тут как раз появилась Маша с двумя подружками.

Вместо старой гимнастерки, защитной юбочки и кирзовых сапог - платьице в горошек, туфли на высоких каблуках и прическа - самая настоящая парикмахерская прическа: светлые волосы, уложенные крупными волнами.

- Братцы!- крикнул Ваня Пастухов.- Вы смотрите, Маша, оказывается, почти красавица!

- Спасибо, Ваня, за "почти". Видно, у тебя остатки совести сохранились.

Смеялись, шумно рассаживались за столом.

- За вас, ребята; Маша, Сережа...

- Нет,- сказал Сергей,- за тех, кто не вернулся. Все поднялись, молча выпили. Постояли.

- Ну, а теперь за молодоженов!

- Горько!

- Горь-ко! Горь-ко!

Обняв Машу, Сергей шепнул ей на ухо:

- Подумай, мы живы...

Шумела свадьба, наперебой выкрикивались тосты, пытались петь, сыпались анекдоты.

- Да это что - детский сад? - кричал прежде всех захмелевший студент по прозвищу Тихоня.- Я вам сейчас потрясающий анекдот расскажу. Где у вас тут отдушина?

Смеялись.

Затаскивали на свадьбу всякого, кто проходил по лестнице общежития.

- Можно к вам?

В проеме дверей показался декан мединститута Проскуряков.

- Вы?..- Маша с удивлением смотрела на него.

- Простите, что без приглашения...

- Заходите, Михаил Степанович. Вслед за деканом вошла его жена. Оба были нагружены свертками, тяжелыми авоськами.

- Не обессудьте, мы тут с некоторым харчем, так сказать... Это жена Валентина Алексеевна. Проще - Валя.

- Знакомьтесь, ребята, кто не знаком. Это наш мединовский декан Михаил Степанович и его жена...

- Валя... Валя,- говорила жена декана, протягивая студентам пухлую руку в кольцах,- просто Валя...

- Еще раз простите, что ворвались без приглашения...- говорил декан,- примите в компанию.

- А вы извините, что так тесно. Садитесь, пожалуйста. Только вот продукты зачем же?..

- Ну, это ты, Серега, брось,- усаживал Сергея на место Толкунов.- Продукты как раз очень уместны... Э... да тут и вино и водочка... братцы, тут и колбаска и сыр - живем! Ну, товарищ декан, это очень симпатично с вашей стороны. А то у нас тут, -честно говоря, одни только гарниры, гарниры, гарниры...

- Позвольте мне тост,- поднялся декан.

- Тихо, ребята, дайте послушать...

- Сегодня у нас с Машей произошло на комсомольском бюро нечто вроде столкновения. Принципиальное расхождение, если хотите... И тем не менее вернее, тем более - мне захотелось зайти, поздравить ее...

Декан говорил гладко, как человек, часто выступающий и привыкший к тому, что его внимательно слушают. За толстыми стеклами очков в черной роговой оправе его глаза смотрели строго и умно,

Он говорил хорошо поставленным низким голосом:

- ... удивительный процесс происходит ныне в вузах: свежий ветер ворвался в наши аудитории. Вместо мальчиков и девочек со школьной парты, вместо детей, не нюхавших еще жизни, при-

шли вы, люди, опаленные войной, знающие о жизни такое, о чем иной старый мудрец не подозревает... Хочу выразить вам, товарищи, свое глубокое уважение, особенно же вам. Маша, и таким, как вы, девушкам, прошедшим дорогами войны, дорогами крови и страданий,- нашим дорогим сестрам. Земной вам поклон. Простите за некоторую высокопарность, но, поверьте, она от переполненного сердца. Декан сел на место, и все шумно зааплодировали.

Тихоня, может быть, даже более шумно, чем требовалось, бил в ладоши, высоко поднимая руки и скандируя:

- Вер-но! Вер-но! Мо-ло-дец, де-ка-ни-ще!

- За тост спасибо,- сказала Маша, наклоняясь через стол к декану, но Ваню Пастухова не отдадим. Вы про фронтовиков еще не все знаете.

- Ребята,- кричал кто-то из коридора,- дали бы для атмосферы музыку!

- Пластинки у меня не первой молодости,- оправдывался Толкунов, вращая ручку патефона.

- Ничего, крути давай! Летчик Андрей налил декану.

- Ему нельзя...- зашептала Андрею за спиной мужа Валя, жена Проскурякова.

- Ничего, это же разбавленный.- Андрей протянул свою кружку.- Давай, декан, чокнемся. Ты хорошую речь толкнул. Правильную речь. Давай. И чтоб до дна.

Они чокнулись, выпили.

- Бр-рр...- Декан поспешно закусил и опустил на место.- Мда...сказал он, оглядывая комнату,- невелика жилплощадь. Надо будет поставить вопрос... семья-то перспективная...

Андрей рассмеялся:

- Настолько перспективная, что вот справляем свадьбу, а у них уже имеется Катерина восьми месяцев от роду.

Зашипел патефон. При первых же аккордах Маша и Сергей переглянулись.

Послышался голос певицы:

Утомленное солнце

Нежно с морем прощалось...

Маша закрыла уши руками.

- Только не это!- крикнул Сергей.- Сними, сними, пожалуйста...- И сам бросился к патефону, остановил его.

- Ладно, не надо музыки. Семи давайте споем... Пели. Пели и пили. Валя безуспешно пыталась удержать мужа, когда ему подливали спирт в стакан.

- Товарищи, пожалуйста, вы не знаете, ему нельзя пить...

- Отстань,- говорил досадливо декан.

Он быстро хмелел. Подпевал студентам. Пил то с одним, то с другим на брудершафт.

Он снял очки, и лицо его оттого необыкновенно преобразилось: глаза теперь не казались уже ни умными, ни строгими - это. были круглые, глупые и страшноватые глаза совы.

. Общий разговор сменился множеством частных - по два, по три человека говорили, каждая группа о другом, и все сливалось в невообразимый гул. Приходилось перекрикивать его.

Одни кричали о смысле жизни, другие о карточках, третьи выясняли, что есть любовь...

Кто-то доказывал, что он умнее всех, кто-то поносил чинуш и бюрократов...

Валя все тревожнее смотрела на мужа и перехватывала стакан, когда Проскуряков протягивал к нему РУКУ.

Увлеченный беседой с сидящим рядом, летчиком Андреем, декан не замечал маневров жены... Пьянел декан - жестче становилось лицо, злее глаза, резче голос. Внешне опьянение ни в чем больше не выражалось.

Но он уже не болтал, как прежде, то с одним, то с другим. Разговор теперь шел только с Андреем, только к нему обращался Проскуряков.

-...общество наше,- говорил он,- разделено теперь вот так, красной чертой: по одну сторону вы, фронтовики, по другую - все мы, остальные, второй сорт. Я не оспариваю - были на фронте подвиги, конечно, были. Но, если разобраться, понимаете, копнуть. поглубже... Что такое фронтовая жизнь? Мы сидели на голодной норме, в иных местах просто голодали, а все шло куда? Фронту, фронту, фронту...

К Проскурякову постепенно стали прислушиваться. Затухали другие беседы, и в конце концов декан оказался в центре общего внимания...

Он не замечал этого и продолжал говорить, обращаясь только к Андрею.

- ...Конечно, определенный риск быть раненым или убитым... Но риск был далеко не всегда. Знаем, как жили офицеры...

- Миша,- дергала мужа за рукав жена,- Миша, нам домой пора, послушай, Миша.

- Знаем и про трофейные шоколады и французские коньяки... Было ведь это? Было. Давайте справедливо.

Сергей сидел, повернувшись в сторону декана, как бы напряженно ожидая чего-то.

Маша, побледнев, взяла было его руку.

Но Сергей встал, обошел стол и остановился рядом с Проскуряковым.

Глаза декана зло поблескивали, ноздри острого носа раздувались, зубы хищно посверкивали за тонкими губами.

- ... А как раздавались награды...- говорил Проскуряков,- что ж мы не знаем, сколько штабным деятелям сыпали боевых орденов?.. А девицам тоже знаем, за что давали... не секрет...

Жена декана, видя, что катастрофы не избежать, опустила голову.

- ... Что такое одна женщина среди сотен мужиков? Фронт, фронт, а физиологию не отменишь... Ведь не отменишь, верно?

- Встать! - крикнул Сергей, схватив декана за грудки, и поднял его с места.

Не поняв, что произошло, не протрезвев,. Проскуряков с недоумением уставился мутным взглядом на Сергея:

- Что случилось?..

- То случилось, что "позвольте вам выйти вон", как сказано у Чехова.

Сергей и Андрей повели декана к дверям и вывели на лестничную площадку. Кое-кто из студентов попытался выйти туда же, но Андрей плотно прикрыл дверь, сказав:

- Не надо, ребята, у нас тут будет разговор. Подайте только его вещички...

Сергей между тем хлестнул декана по физиономии - раз, другой и третий.

- Будешь отвечать! - неожиданно высоким, женским голосом взвизгнул Проскуряков.

- Ответим, ответим.- сказал Андрей. Кто-то просунул в дверь деканову шубу и шапку, шепнув:

- Ребята, может, подсобить?

- Не волнуйся, справимся,- ответил Андрей и снова закрыл дверь.

Продолжая по-прежнему держать декана левой рукой за грудки, Сергей поднес к его носу большой костлявый кулак:

- Помни, мразь, слякоть обывательская, если еще раз посмеешь сказать слово "фронтовик" своим поганым ртом, узнаю и убью, помни, сволочь, не спрячешься, найду...

В дверь просунулась рука с куском колбасы:

- От его колбасы вот осталось. Вместе с Андреем Сергей свел декана вниз и открыл дверь.

- Пусти...- просительно сказал Андрей и, отодвинув Сергея, поддал декану так, что тот вылетел на улицу прямо в снежный сугроб.

Сергей кинул ему шубу, шапку и захлопнул дверь. Андрей подобрал с пола колбасу, открыл дверь и тоже кинул вслед.

Митя Шаров, только было собравшийся уходить со своего поста, увидел, как некто вылетел из двери общежития и хлопнулся в сугроб. Подойдя ближе и узнав декана, Митя растерянно сказал:

- Михаил Степанович... что ж вы ушли так рано...

Плакала навзрыд Валя, деканова жена, и сквозь слезы бормотала:

- Стыд... Стыд какой... Боже мой, какой ужас... идти надо...

- Да плюньте вы на него, садитесь к столу... Все успокаивалось, студенты рассаживались на свои места.

Сергей шепнул, усмехнувшись, Маше:

- Кажется, я наладил твои отношения с деканом.

- Переживу как-нибудь,- ответила Маша и поцеловала его.

Общее настроение, однако, было испорчено. Все молчали.

- Черт, нехорошо все-таки получилось. Декан как-никак...- сказал Тихоня,- подлец, конечно, но декан...

- Да, пожалуй, скандала не избежать...

Ничего, однако, не произошло. Ровно ничего.

Никто никого никуда не вызывал, никого ни о чем не спрашивали - будто ничего не случилось.

Декан, держался как ни в чем не бывало. Нормально здоровался со студентами, в том числе и с Машей. Деловито отвечал на деловые вопросы, словом, исполнял свои обязанности так, будто никогда ни на какой свадьбе и не бывал.

И промолчал, когда общее комсомольское собрание не утвердило решение бюро об исключении Пастухова, ограничившись выговором с предупреждением.

Зима в тот год стояла свирепая и тянулась бесконечно. Холодно было в аудиториях, холодно, в общежитии.

Комендантша Котеночкина забирала к себе каждое утро Катю, возила, кормила, ухаживала за ней, как за родной, но при этом, зайдя за ребенком, всякий раз с некоторыми вариациями выражалась примерно Так:

- Уроды, чистые уроды... и кто только дал вам права. детей рожать?.. У самих в кармане вошь на аркане, а туда же - семья, детей производят... И нет, чтобы ребенка растить,- куда там... "Мы ученые, мы книжки читаем, мы в тетрабочки пишем, мы по институтам бегаем"... День-деньской бегаем, бегаем, а дите Котеночкина пеленай, Котеночкина смотри, Котеночкина корми... Котеночкина обстирывай...

Когда же комендантша оставалась наедине с ребенком, она давала волю своей любви, без конца целовала Катю, давая ей ласковые прозвища.

Дурно сложилась жизнь этой женщины - без любви, без детей, и все доброе, что накопилось, что требовало душевного выхода,-

все обратилось к чужому ребенку, что стал ей родным и так нуждался в ней, так радостно отзывался на ее ласки.

Стоило Кате увидеть Котеночкину или только услышать ее голос, как круглая Катина мордочка расплывалась в улыбке.

Как только грозная комендантша брала ребенка на руки. Катя хватала ее за нос или за губу и беззубо смеялась, ни за что не соглашаясь отпустить.

И эти часы были счастьем, отпущенным Котеночкиной.

Маша женским чутьем разгадала все это и старалась не задеть, не обидеть ее чувство.

Комендантша принесла керосинку и велела Маше ставить ее с прикрученными, чуть-чуть горящими фитилями под бельевую корзину, в которой спала Катя, ибо холод в комнате стоял ужасающий.

Однажды ночью Маша проснулась оттого, что под одеяло к ней забрался мышонок. Маша не испугалась, не почувствовала ни отвращения, ни брезгливости. Она просто вытряхнула его и плотнее завернулась в суконное одеяло, подоткнув края со всех сторон под себя.

Однако через некоторое время мышонок снова оказался под одеялом и замер, прижавшись к Машиному бедру. От холода, что ли, спасался? Маша спала одетой, под суконным одеялом, и то никак не могла согреться.

В общем, мышонок остался и каждую ночь стал забираться к Маше под одеяло, а к утру исчезал.

Сергей смеялся и оставлял в углу то крошки, то корки хлеба.

Так из-за холодов их семья увеличилась на одну мышь.

Случалось, что комендантша Котеночкина, все так же грубо отчитывая Машу и Сергея, приносила им то супу в кастрюльке, то несколько картошек.

Благодарить ее было невозможно. При первой же попытке она так их срезала, что больше они ей никогда и ничего не говорили, молча принимая драгоценные дары.

Возвратясь однажды домой, Маша увидела на подоконнике небольшую закопченную кастрюлю. Заглянула - видимо, суп. Его было немного - примерно одна тарелка.

Хоть и голодна была Маша, не прикоснулась, оставила суп Сергею.

- А это что?- спросил он, увидя на столе кастрюльку, возле которой лежала ложка и кусок хлеба.

- Котеночкина супу принесла, Я разогрела.

- А ты-то ела?

- Конечно. Ровно половину. Ешь, Сережа. Катя гуляет, скоро явится.

Она уселась против Сергея и стала смотреть, как он ест.

Сергей ел, набирая ложкой прямо из кастрюльки, и закусывал хлебом.

Маша всегда любила смотреть, как он ест. На этот раз был миг, когда Маше показалось, что в глазах Сергея мелькнуло странное - не то удивление, не то другое что-то.

- Не нравится?- спросила она.

- Да нет. Очень здорово. Молодец комендантша. Когда Сергей расправился с супом, пришла Котеночкина с ребенком. В свободной руке она держала тарелку, на которой лежали четыре картофелины. Ворча, как всегда, она швырнула тарелку на стол и сунула ребенка в корзину.

- Интересно, что б вы делали, если бы не Котеночкина? Сколько я буду с вашим дитем нянчиться? Завели моду сбрасывать на меня ребенка... Интеллигенция... А где же кастрюлька? Я в ней картошку варила в мундирах да грязную воду оставила.

Маша и Сергей переглянулись.

- Вот ваша кастрюлька, - сказал Сергей, - я ее вымыл...

И, едва дождавшись ухода комендантши, они бросились, хохоча, друг к другу.

В институте у Маши возникла серьезная проблема: она не могла привыкнуть к анатомичке.

Казалось бы, после всего пережитого, после тысяч раненых, после бесчисленных смертей - что ей эти наформалиненные, отпрепарированные трупы, которые всеми воспринимаются просто как материал для работы... Но стоило войти в анатомичку, Маше становилось дурно от специфического запаха, стоявшего тут всегда. Она заставляла себя подойти к прозекторскому столу, но сейчас же шла прочь.

Что только Маша не проделывала по советам бывалых студентов пробовала курить, глотала какие-то таблетки, ничего не помогало.

На других девчонок ни запах, ни вид подготовленных для работы трупов не производили ровно никакого впечатления. Они болтали, разворачивали в перерывах занятий пакетики с едой, жевали свои бутерброды тут же, присев на оцинкованный стол, рядом с наполовину отпрепарированным трупом.

Однажды, сбросив халат и выйдя в отчаянии из анатомички, Маша села на ступеньку гранитной лестницы. Тошнота постепенно проходила.

Но что делать? Неужели бросать медицинский из-за этой дурацкой реакции?..

- Дочка, а дочка...- услышала она хриплый голос.

Рядом стоял старик - тот, что выдавал студентам трупы для занятий, вытаскивая каталки железным крюком из холодильника.

Старик был какой-то весь дергающийся - то дернется него плечо, то вертанет головой, то на ходу одна нога зайдет за другую.

Курил он непрерывно, сворачивая толстые скрутки махорки. Другой раз, поднося скрутку ко рту, он вроде бы промахнется, ткнет раньше в щеку или в подбородок, а уж потом только схватит губами. Некогда седые, а теперь ржаво-желтые прокуренные усы тоже по временам у него дергались.

Как звали старика по-настоящему, никто не знал, а прозвище у него было Периформис. Это было название одной из мышц, и студенты давних еще наборов почему-то окрестили им странного старика.

И, несмотря на то, что слово было иностранное, а старик очень русский, название подходило к нему.

К старику обращались: "Дедушка Периформис, выдайте нам покойничка номер семь".

И старик, дымя махрой, вытаскивал крюком седьмой труп из холодильника.

Периформис уселся рядом с Машей и спросил:

- Так что ты, дочка, на фронте была?

- Была, дедушка..

- Ну и что же - страшно тебе было?

- Конечно, страшно.

- И я думаю, кто храбрится - мол, ничего не боялся, - врет или вовсе войны не нюхал.

Маша взглянула на старика.

Он сидел, держа в пожелтевших пальцах самокрутку. Под раскрывшимся халатом был виден старенький пиджак с неумелыми штотками у краев карманов. Пронзительно жалко вдруг стало Маше этого человека.

- Дедушка,- спросила она,- а кто у вас... семья у вас какая?..

Дед ответил не сразу. Посидел, помолчал, затянулся и выпустил дым.

Потом посмотрел искоса на Машу.

- Мне такого вопроса не задавали лет, может быть, тридцать, а то и больше, пожалуй, гораздо больше. Давно нет тех, кого бы это касалось. Периформис и Периформис... Не то, что семьи, дочка, ни единой живой души не осталось из тех, что жили со мной в одно время. Ведь живет человек, как-то" чувствуя вокруг себя свое поколение. Кого-то любит, кого-то не любит. Одних знает, другие его знают. Это какой-то, ну, единый коллектив, если хочешь... И случается ли с тобой что-то, совершил ли ты что-то - невольно

делаешь поправку на людей, примеряешься к людям, к их мнению, сравниваешь себя с ними и их с собой... и что они о тебе думают...

Старик говорил совершенно интеллигентным языком, не завалившись как-то с его внешним обликом.

Говорил он скорее сам себе, чем Маше.

- ... Случится у тебя хорошее - и нужно, чтобы друзья радовались, враги завидовали... Или она... Ну, что она, бросившая меня, сейчас думает?.. Может быть, и не буквально такие мысли, но все это есть в подсознании, в атмосфере твоей жизни... Я и сам не подозревал тогда, как необходимо это окружение, они... И вот наступает время, когда не осталось никого и ничего от твоей жизни... Никого... Пустота... И ты живешь среди нынешних чужих для тебя людей и среди призраков тех, кого знал. Они остались только в твоей памяти, остались только в твоих снах... Прогнешься, либо опомнишься вокруг молодежь, которой до тебя, естественно, ровно никакого дела нет... Периформис...

Старик замолчал, и Маша спросила:

- Дедушка, а кем вы были раньше?

- Профессором теологии был. Знаешь, что такое теология? Наука о боге. Курс читал в Петербурге. Потом офицером был. И белым офицером был. Расстреливали меня красные за то, что я белый, и белые за то, что красный. Однако жив остался, как видишь... Долго был в Сибири... в разном качестве... Семья? Была семья и родительская, и моя, собственная моя семья... И много друзей и очень много знакомых... Все там...

- Ну, а почему же?..

- Сам я себе выбрал эту работу. Так мне легче... Да, совсем забыл, зачем я вышел и что хотел тебе сказать, девочка... Возьми - тут в коробке сушеная трава. Пожуй ее и всякий раз перед входом в анатомку пожуй. Никакой дурноты, никакой тошноты не будет. Гарантирую. А через месяц и травка не понадобится - привыкнешь. Проверенная штука. Ну, я пойду...

С того дня кончились Машины мучения - трава!

Действительно, она оказалась волшебным средством. Когда жуешь ее, какой-то острый запах, похожий на мяту, появляется во рту, и только этот запах да вкус мяты чувствуешь в течение нескольких часов. И еще ощущение легкости в теле появляется, и ясность мыслей поразительная - такая то была трава.

Очень хотелось Маше чем-то отблагодарить деда, да чем?..

Хотела много раз подойти просто так, сказать что-нибудь хорошее, но боялась быть навязчивой: старик умный, тонкий, поймет, что жалеет его, обидится, а то и рассердится.

Так и не подошла...

Думала позвать домой, познакомить с Сережей, Катюку показать... Да как-то странно... Впрочем, может быть, по человечеству вовсе и не странно было бы?..

Как часто мы не понимаем, что нельзя ждать, надо делать добро тотчас, как только мелькнет душевное чувство.

А дед вскоре скончался, Узнали, об этом не сразу - был перерыв занятий в анатомичке, а когда пришли, стали звать: "Дедушка Периформис!" - вместо деда вышел молодой парень, новый служитель.

Узнали - болел дед один и умер один.

Один!..

Навсегда, на всю жизнь. остался этот шрам на Машином сердце. Как могла она все-таки не подойти даже, - не сказать ему ничего - ведь ей одной он открылся, одной поверил, что. поймет... Дедушка Периформис... Пронзительно одинокий дед...

ГОД 1977. 9 МАЯ

Андрей легко перебежал улицу перед надвигающимися машинами и остановился у подъезда высокого дома, сверяя его номер с записанным на листке бумаги адресом.

Улица была заполнена людьми, мотались по ветру воздушные шарики. Нестройно пели песни.

А навстречу по мостовой лилось. обычное движение машин и автобусов.

Номер дома оказался верным, и Андрей вошел в подъезд.'

Серый, отлично сшитый костюм подчеркивал спортивность, мускулистость фигуры.

Андрей не стал дожидаться лифта и взбежал по лестнице.

По мере того, как он поднимался, усиливался разноголосый шум, он шел с площадки третьего этажа. Тут творилось нечто невообразимое: двери обеих квартир, расположенных. друг против друга, были настежь распахнуты, женщины, дети, мужчины, заполнившие обе квартиры, то и дело переходили из одной в другую, кто-то звал ребенка, кто-то прогонял собаку, кто-то переносил чемоданы. Какие-то девчонки гонялись, хохоча, друг за другом.

Два симпатичных беспородных пса вертелись под ногами у людей, изредка огрызаясь на кошек - их тут было тоже несколько штук.;

Андрей остановился в некотором. недоумении, еще раз сверился с бумажкой и номером, обозначенным на одной из квартир.

Высокая девочка: лет двенадцати, перебежавшая через площадку, заметила две звезды Героя на лацкане серого пиджака, взглянула на Андрея и остановилась.

- Простите - обратился к ней Андрей - восьмая квартира...

- А вы Андрей? - ответила она вопросом.
- Андрей... Откуда вы знаете?
- Только на карточке у вас одна звезда... - А вы кто?
- Я Аня. - Позвольте, чья же вы дочь?
- Мою маму зовут Катя.
- Боже мой! Боже мой... Катя... Я ее последний раз видел спеленутой в бельевой корзине.

Аня рассмеялась:

- Ну, мама с тех пор немного подросла.
- С ума сойти! А Сергей, Маша - здесь они?
- Конечно.. Дед дома, бабка в больнице на дежурстве. Да вы заходите...

- Аня, а что здесь происходит? У вас гости? Аня снова рассмеялась.

- Это все наши. Просто съехались на День Победы. Нас очень много. А сегодня все приедут до одного. Даже Володя прилетит с детьми из Америки... Пойдемте. Я вас к деду проведу.

Аня взяла Андрея за руку и повела за собой.

В комнатах было более шумно, чем на лестнице: здесь еще грохотал маршами включенный телевизор. Повсюду устанавливались и накрывались столы. Из кухни доносился звон посуды.

Аня вела Андрея по коридору.

Двое подростков безуспешно стучали в дверь ванной и кричали наперебой в два голоса:

- Юлька! Чего ты закрылась? Нам мать велела под душем помыться!.. Юлька!..

На кухне Сергей, сидя за столом, кормил с ложечки годовалого мальчика.,

- Ну, ну, - сказал, входя Андрей, - до чего же вы размножились!..

- Андрюшка! - закричал Сергей.

Он передал Ане мальчика и бросился к Андрею.

Молча постояли они, взявшись за плечи и разглядывая друг друга. Седые, крупные, сильные.

И пока длилось это объятие, в кухне шла своя жизнь - кто-то вбегал, кто-то выбегал, кто помешивал манную кашу в кастрюльке, кто ставил чайник на плиту, кто забирал у Ани ребенка и уносил его, кто-то кого-то звал.

На стариков просто не обращали внимания, их не замечали. "Старики" выглядели молодо, и только седина выдавала их возраст.

- Пойдем,- сказал наконец Сергей,- здесь не поговоришь. Они прошли на балкон.

- Сколько же мы не виделись?

- Последний раз это было на твоей свадьбе в сорок шестом.

- Где же ты пропадал?- спросил Сергей,- Я искал тебя, но нигде ничего не мог узнать. Андрей улыбнулся.

- Да и я не мог связаться с тобой. Далеко я был. И вот: только вернулся - сразу к тебе. Не знал даже, жив ли. А ты, оказывается, вон какую мультипликацию затеял... Сколь же у тебя?

- Пятеро. Да у старших свои семьи - вот и получается такая орава. Послушай, мне кажется, у тебя какой-то акцент появился.

- Да я, если хочешь знать, удивляюсь, что вообще русскую речь не забыл... Акцент... Я думаю- акцент...'

- Поздравляю тебя, между прочим, со второй звездочкой.

- Вчера только вручали. Еще не обмытая.

- Вот сегодня у нас и обмоем. - Скажи хоть, чем занимаешься. Где ты, что ты?

- Директор таксомоторного парка... до позавчерашнего дня.

- То есть?

- То есть позавчера сняли. Вот она жизнь - кому звезду, кого под зад. Да нет, шучу... Что сняли - ерунда. Просто этап борьбы. Я там большую драку затеял. Расскажу потом, если интересно.

- Еще бы! А Маша? Как Маша?

- Маша - молодец.

- Она что - врачом стала?

- Да. Могла бы ученую карьеру сделать. Ее на кафедре физиологии оставляли... Да вот - жизнь, ребята... Стала рядовым детским врачом. В больнице работает и на полставки в поликлинике. Педиатр. Да ты ее увидишь. Она должна сейчас прийти...

- Ура!- закричала, выбежав на балкон, и перегнулась через перила Аня.- "Американцы" приехали! Дед, смотри - вон они подъезжают...

Она замахала рукой выходящим из машины.

- Володя!.. - кричала Аня вниз, с высоты третьего этажа. - Здорово! Парик мне привез? Севка, Севка! Ура!

Прибывшие "американцы" тоже махали руками и что-то кричали Ане в ответ. Таксист помогал разгружать машину. Потом все они - Владимир, его жена и двое близнецов Савва и Сева - вошли в подъезд.

- Он что, дипломат - Володя?

- Дипломат. Современный малый. Практичный. Вот отпуск подогнал к празднику - это хорошо... Пойдем-ка встретим их.

- И как только вы тут разместились?.. - Соседи в Ленинград укатали, оставили свою квартиру...

В переднюю входили нагруженные чемоданами и сумками "американцы". Войдя в комнаты, они целовались со всей шумной гурьбой родичей.

- Здравствуй, отец! - подошел Володя к Сергею.

- Здорово, здорово,- поздоровался с ним за руку Сергей,- знакомься. с Андреем.

- Владимир,- представился дипломат. Подошла его жена - с ней Сергей поцеловался и с детьми тоже. Представил всех Андрею.

- Ну, как, Нина,- спросил он невестку,- не надоел он тебе еще, не занудил?..

- Ничего,- улыбнулась она,- вы меня недооцениваете. Я, может быть, из него человека сделаю.

Сергей указал Андрею на долговязого парня в вытертых до белизны на коленях джинсах.

- Вот этот не подведет.

- А чем занимается?

- Нефтяник. Из Тюмени прилетел.

Они шли по квартире, и по пути Сергей знакомил Андрея с членами семьи - взрослыми и маленькими.

- А вот это та самая Катя... - сказал Сергей. Катя пыталась ножом открыть задвижку в двери ванной комнаты.

- Давайте еще раз знакомиться,- протянул ей руку Андрей.

Катя удивленно взглянула на него.

- Первый раз вы лежали в белье в корзине...

- Легендарный Андрей...- рассмеялась Катя. - А что это вы?.. Давайте помогу.

Он взял у Кати нож и легко открыл дверь. Катя вошла с ванную. Там сидела перед зеркалом рыжая Юлька и, плача, терла резинкой свои веснушки. Они не поддавались. Их было очень много - россыпи на носу, россыпи на толстых щечках, на лбу.

- Опять! - возмущенно сказала Катя и отобрала резинку. - Сколько раз тебе сказано...

- Мамочка,- всхлипнула Юлька,- я замуж не выйду...

- По-моему,- вмешался Андрей, стоявший в дверях,- ты все равно уже упустила время.

Все столы были уставлены закусками, из кухни неслись вкусные запахи. Гости бродили из комнаты в комнату, то и дело подхватывая вилкой шпротину или кусочек сыру.

- Отец, может быть, сбежать за мамой?.. - Катя всерьез расстраивалась: праздничный обед погибал.

- Ладно, я сам схожу. Андрей, двинем вместе? Больница тут недалеко...

- Мария Ивановна в изоляторе,- ответила Сергею медсестра,- у нас мальчик тяжелый очень... Никак не выведут его... Там и главврач и заведованием... Вы подождите, пожалуйста... Посидите...

Друзья уселись у окна в коридоре. Закурили. - Ну, так что же у тебя все-таки стряслось с твоими таксистами?- спросил Андрей.

- Как тебе сказать... Пытаюсь установить у них порядок.

- Не больше не меньше?

- Да, представь себе. У нас ведь ничего не делается без "лапы". Достать деталь - "лапа". Помыть машину - "лапа". Механику - "лапа". Сторожу - "лапа". Ни шагу без "лапы". Всеобщий смазочный материал. Как же и шоферу не брать "лапу" с пассажира? Чем он будет затыкать все эти дыры? Вот я и вызвал огонь на себя. Придрались, конечно, не к этому. Впрочем, драка только разгорается. Меня, конечно, восстановят, и начнем сначала... Тебе мои дела кажутся, наверно, муравьиными?

- Почему же? Устанавливать порядок - дело серьезное.

- Люди разлагаются - вот что страшно, хорошие ребята становятся барыгами. Ну, а ты, ты как?

- В общем, тоже не все гладко. Спокойной жизни, видно, не бывает. Если хочешь быть человеком. И все-таки, Сережа, жизнь прекрасна. Завидую очень тебе, твоей семье...

- А ты женат?

- Был. Дважды. Да вот не сложилось... Верно, я не приспособлен для семейной жизни... Или мне просто такая Маша не встречалась...

Сергей взглянул на часы:

- Шесть. Они там, верно, умирают с голода... - И обратился к проходившей медсестре: - Не выходила еще Мария Ивановна?

- Нет, отвезли ребенка в операционную. И она там. С утра от него не отходила.

- Будем ждать? - спросил Сергей.

- Будем ждать.

В коридоре возле операционной стояла мать больного мальчика. Она старалась быть спокойной, но по тому, как то сжимала руки, то принималась ходить и вновь подбегала к матово-белой стеклянной двери, можно было понять тревогу ее, отчаяние.

Прошел в предоперационную молодой врач, и мать попыталась заглянуть туда.

Вышла медсестра. Мать - к ней.

- Пока все так же... - сказала та и прошла мимо. Вокруг операционного стола стояли врачи. Маша в марлевой маске со страхом смотрела на освещенное тельце мальчика на операционном столе.

- Группа? - спросил хирург.

- Первая.

... И вот уже вечер наступил. Зажгли фонари на улицах.

Сергей с Андреем расхаживали перед больницей.

Вышла медсестра в плаще с сумочкой - видимо, кончилась ее смена.

- Все ждете? Я сказала Марии Ивановне.

- А ребенок?

- Еще в операционной.

И ушла.

...Вот наконец раскрылась дверь, и в коридор стали выходить врачи. Мать бросилась к Маше.

- Все хорошо,- устало улыбнулась она, и мать, разрыдавшись, обняла ее.

- Ну, ладно, ладно,- гладила ее Маша по голове, как ребенка,- все хорошо, Юрочка будет жить, будет здоров...

Женщина, всхлипывая, успокаивалась. Маша усадила ее на белую скамью и пошла дальше.

Один за другим выходили из больницы врачи и медсестры. Вот уже никого, видимо, не осталось. В вестибюле погас свет, а Маши все не было. Сергей тревожно переглянулся с Андреем, и они вошли в больницу.

В полутьме вестибюля. на скамье сидела Маша. Плащ был надет только на одну руку. Другая висела вдоль тела. Маша спала, прислонившись к стене. Друзья осторожно взяли ее под руки, подняли.

- Пойдем домой, Машенька,- сказал Сергей,- пойдем, родная...,

Маша с трудом открыла глаза. Посмотрела на Сергея, на Андрея. Не сразу поняла, кто это, а узнав, сказала удивленно:

- Андрюша?.. Неужели?..

- Я, я, Машенька. Собственной персоной. Специально приехал, чтобы разбудить тебя и доставить домой...

Криками восторга встретили Машу дома. И в этих криках было, наверно, столько же радости по поводу ее прихода, сколько счастья, что можно наконец садиться обедать.

Рассаживались шумно, дети вперемешку со взрослыми. Маша сидела во главе стола. За ней темнело большое распахнутое настежь окно.

- Налить бокалы! - распорядился Сергей. Водку и вино наливали взрослым, красный морс из кувшина - ребятам.

- Дорогие мои...- начал Сергей, держа рюмку водки. Но продолжить тост ему не удалось...

- А бабушка заснула!- объявила. рыжая Юлька.

Сергей взглянул на Машу. Она действительно крепко спала, уронив голову на спинку кресла. Сергей улыбнулся и приложил палец к губам:

"Тс-с-с..."

И вдруг в окне, за Машиной спиной, взвились в небо тысячи звезд. Один за другим сверкали и рассыпались за Машиной спиной праздничные фейерверки. Гремел салют в честь Великой Победы.

Маша спала. За столом сидела вся ее большая семья. Вспыхивали за окном соцветия праздничных огней.

Но вот все замерло и осталось неподвижным: повисли, не рассыпаясь, огни фейерверка, застыли сидящие за столом...

СНОВА ЛЕТО 1942-го

Немецкий пулеметчик с изумлением смотрел на девушку в старой гимнастерке, в зеленой некогда юбчонке, в кирзовых сапогах, на худящую тень человека - девушку, что вышла из расщелины каменоломен на яркий, ослепительный дневной свет.

Девушка держала в руке ведро.

В прорезь прицела видно было: она зажмурилась, прислонилась к стене и закашлялась. Долго кашляла, сплевывая на землю черную слюну.

Борьбу долга и жалости можно было угадать в мальчишеском лице немецкого солдата. Палец лежал на гашетке пулемета, но солдат не стрелял. Вот отчаянная девчонка оторвалась от скалы, поправила пояс на гимнастерке, взглянула на небо и двинулась вперед, к колодцу. Ствол пулемета неотступно следовал за ней. Сквозь прорезь прицела видно было, как Маша подходила к колодцу, обходя убитых, как склонилась на миг над богатырем, что лежал с открытыми глазами, наполненными дождевой водой.

Из расщелины скалы люди напряженно следили за каждым Машиным шагом. Вот опустила она ведро в колодец и выбрала веревку. Полное прозрачной воды ведро стало на сруб колодца, и Маша припала к воде. Она пила, останавливаясь, чтобы вдохнуть воздух, и снова пила.

Следил за ней немец. Следили глаза людей из-за скалы - глаза умирающих от жажды.

Напившись наконец, Маша еще раз опустила и подняла из колодца ведро. Оно было снова полным до краев.

Немец увидел, как девушка поправила пояс на гимнастерке, взяла ведро и неторопливо пошла обратно ко входу в каменоломню. Ствол пулемета следовал за ней шаг за шагом.

Шла Маша. В великом напряжении смотрели. и ждали ее люди в подземелье. Казалось, уже целую вечность идет Маша к расщелине.

Дрогнул палец немца на гашетке пулемета.

И в ту сторону, где залег он, в сторону врага, не стреляющего в нее, щадящего ее, взглянула Маша и улыбнулась, перед тем как скрыться за скалой.

Но тут немец нажал на гашетку. Простучала короткая очередь. И сквозь прицел стало видно, как падает девушка, уронив ведро.

Крики ужаса слышались из расщелины.

Немец вытер pilotкой вспотевший лоб и дал для верности еще одну очередь. Очередь по мертвой, по жестяному ведру.

Маша лежала рядом с тем убитым солдатом, в чьих открытых глазах стояли лужицы дождевой воды.

Ручеек Машиной крови стекал по земле и соединялся с ручейком воды, вытекавшим из расстрелянного ведра. Соединясь, потекли они дальше вместе кровь и вода.

Убили Машу Ковалеву. Задушенный немецким газом, умер, в муках Сергей. Не были, не состоялись эти две жизни, как не состоялись жизни тысяч пленников Аджимушкай, как оборваны были, не состоялись двадцать миллионов жизней советских людей...

Двадцать четыре чудом уцелевших, живых аджимушкайца с цветами в руках шли ко входу в подземный музей Славы, к могиле своих товарищей.

Они спустились по деревянным мосткам в подземелье и подошли к плитам братской могилы. Положили цветы и стали выключать свои лампочки, чтобы в темноте молча почтить память погибших героев.

Одна за другой гасли шахтерские лампочки, и одно за другим исчезали во мгле лица героев.

Погасла последняя лампочка, наступила темнота.

В темноте и тишине слышался только слабый звук где-то, просочившейся, теперь уже никому не нужной воды.